

Мария Брикер Желтый свитер Пикассо

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159901
Желтый свитер Пикассо: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-18396-5, 978-5-699-21745-8*

Аннотация

Француженка русского происхождения Елизавета Павловна сильно переживала за свою племянницу Мишель: познакомилась по Интернету с художником, представившимся «Пикассо», и теперь летит к нему в Москву! Хорошо, что старый друг режиссер Варламов согласился помочь: попросил своего знакомого Клима встретиться с Мишель под видом художника и внушить к себе отвращение. Но капризной француженке мерзкий тип очень даже понравился! Никто из них еще не знал, что в Москве действует странный художник-убийца: выбирает жертв-натурщиц, чем-то похожих на любовниц настоящего Пабло Пикассо...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	34
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мария Брикер

Желтый свитер Пикассо

*Что для очей простых несбыточно, то вдохновенным оком
поймем легко в экстазе мы глубоко.*

В. Шекспир

*От автора. Все персонажи и события, описанные в романе,
являются вымышленными. Сходство с реальными людьми случайно.*

Пролог

Старуха шла за ней уже два квартала: безобразная, растрепанная, в рваных башмаках и грязных обносках. «И куда только милиция смотрит», – недовольно подумала Таисия, поравнялась со светофором, перевезла коляску через дорогу на желтый свет и обернулась. Загорелся красный, но старуха не отставала, торопливо ковыляла по проезжей части, не обращая внимания на гудки машин и раздраженные крики водителей. «Да что ей от меня надо? Ненормальная какая-то», – разозлилась Таисия и ускорила шаг.

Впервые она заметила нищенку, когда гуляла с ребенком на Фрунзенской набережной. Таисия не любила детскую площадку рядом с домом: дети, ломающие друг у друга куличики в песочнице, вызывали у нее раздражение. Она вообще не любила чужих детей: отвратительные, сопливые карапузы. Разве можно было их сравнить с ее Андрюшенькой? Длинные русые кудряшки, небесно-голубые глаза, пухлые щечки, розовые пяточки. Чем не ангелочек, крылышек только за спиной нет. Таисии нравилось, что прохожие восхищаются ее чудесным малышом. Поэтому каждое утро молодая генеральская жена надевала модное платье, туфли на высоком каблуке, делала макияж, укладывала волосы, просила нянюку наряжать сына в оборочки и кружева и отправлялась на прогулку в сквер или на набережную. Это была последняя прогулка перед отъездом, завтра они с мужем отправляются в Сочи на отдых. Таисия так страстно ждала этого дня, что отказалась переезжать на дачу в Переделкино. Муж ее решение остаться в Москве до отъезда воспринял плохо. Начало лета 1973 года выдалось жарким и сухим, в городе стояли духота и смог, пахло гарью от тлеющих под Москвой торфяников, асфальт плавился под ногами, москвичи ходили шальными, детишки купались в грязных фонтанах, молодежь гурьбой устремилась на Клязьму и в Серебряный Бор. Но Таисия проявила упрямство и покидать Москву наотрез отказалась. Ей нужно было серьезно подготовиться. Еще раз примерить новые туалеты, которые она загодя заказала у портнихи. Еще раз посетить парикмахера, маникюршу и массажистку. А Переделкино она вообще не любила. Во-первых, там проводила лето свекровь, которая вечно приставала со своими дурацкими советами, во-вторых, Таисия постоянно царапала лодыжки о кусты роз, так что на ее безупречных ножках надолго оставались некрасивые следы, в-третьих, она регулярно ломала себе ногти и страдала газами от местной воды. Но последнее было не так уж и существенно. Мужа страшно забавляли ее случайные конфузы. Общение со свекровью тоже можно было пережить с горем пополам, но отправляться на море с расцарапанными ногами и плохим маникюром Таисия не собиралась.

Она вкатила коляску во двор и направилась к подъезду. Предстоящая поездка снова заняла все мысли, Таисия даже о сумасшедшей старухе забыла. Та сама напомнила о себе, выросла перед ней, словно из-под земли, и преградила дорогу к парадному.

– Что вам нужно? – напряженно спросила Таисия.

– Предупредить хочу тебя, девонька. Уберечь. Опасность тебе угрожает! Тебе и мальцу твоему.

– Знаете что, бабушка, идите вы лучше отсюда, пока я мужа не позвала, – разозлилась Таисия. – Он знаете у меня какой? Церемониться не будет.

– Знаю, милая. Знаю, поэтому и пришла. Душегубец у тебя муж! Нехристь. Столько людей безвинных в тюрьмах сгноил и под эшафот подвел. Сколько кровушки чужой выпил! Беги от него, пока молодая, беги. Первую жену погубил, и тебя погубит. А сыночка твоего воспитает под стать себе: с красивым лицом, да с душою черною, как воронье крыло.

– Что ты несешь, старая идиотка! – сквозь зубы процедила Таисия и с размаху ударила старуху по лицу. Старуха отшатнулась, схватилась рукой за морщинистую щеку и долго смотрела на Таисию влажными печальными глазами.

– Зря ты так, девонька, – тихо сказала она. – Я по-доброму пришла. С открытой душой. Предупредить тебя хотела. Знаю, о чем говорю. Дочь родную схоронила по его вине.

– Дочь? Вот оно что! Теперь я поняла, с кем имею счастье познакомиться, – надменно сказала Таисия. – Ты, значит, и есть мамаша бывшей полоумной женушки моего супруга. Что же, яблоко от яблоньки... Убирайся, твое место в дурдоме! Мой муж – чудесный человек, а твоя кретинка дочь испортила ему жизнь. Все с облегчением вздохнули, когда она отправилась на тот свет, – с ненавистью сказала Таисия, с сожалением отметив, что сломала-таки ноготь.

Старуха переменялась в лице.

– Будь ты проклята, поганка! – завизжала она. – Пусть отныне черное станет белым, а белое – черным! Будь ты проклята, и пусть случится то, чего боишься ты больше всего на свете! И все люди станут слепы и не увидят истины в том, что ты любишь, а будут видеть только угли и золу. Угли и золу! Да будет так! – Старуха вознесла костлявые руки к небу, перевернулась на месте вокруг своей оси, шепча себе под нос что-то нечленораздельное, обернулась к Таисии, плюнула в ее сторону и заковыляла прочь.

Малыш испуганно заплакал. Таисия охнула, схватила сына на руки и бросилась домой. Это было ужасно, не гигиенично, отвратительно – мерзкая старуха попала слюной в лицо малышу! Она влетела в квартиру, тщательно вымыла сопротивляющемуся и орущему сыну личико водой с мылом, отдала возмущенного ребенка няне, налила себе коньяку и уселась на диван в гостиной. Таисия пила коньяк и размышляла, стоит ли рассказать мужу о том, что к ней приставала на улице его бывшая теща, или промолчать и не расстраивать супруга перед поездкой?

Кухарка Зиночка позвала обедать. Подавали ее любимый салат из крабов, рассольник и рыбные паровые котлеты с пюре, но Таисия ела без аппетита и все никак не могла решить, как поступить. Наконец она не выдержала и рассказала все Зиночке. Молоденькая деревенская девушка Зиночка всерьез испугалась, посоветовала мужу ничего не говорить, а немедленно бежать в церковь ставить свечку и крестить младенца. Таисия разозлилась, отвесила Зиночке затрепину и строго отчитала за глупость и суеверие. Муж с работы вернулся поздно, заматанный и злой, и Таисия рассказывать о гадкой старухе не решилась. Лишь на всякий случай поинтересовалась, не заразна ли слюна сумасшедшего человека. Супруг удивился странному вопросу, со смехом уверил ее, что нет, Таисия успокоилась и уснула.

Проснулась она рано, от сна – липкого и беспокойного, вскочила с постели, набросила халатик, вошла в детскую и с тревогой заглянула в кроватку. Андрюшенька сладко спал, посасывая палец во сне. Она улыбнулась, полюбовалась своим ангелочком, поцеловала его в лобик и распорядилась подавать завтрак.

Ровно в десять к их подъезду подъехала машина, чтобы доставить генеральское семейство на вокзал вместе с няней и кухаркой. Таисия уже была готова и возбужденно металась по комнатам, проверяя, все ли взяла с собой. О старухе она больше не вспоминала, а един-

ственное, чего в эту минуту боялась больше всего на свете – опоздать к отправлению поезда Москва – Сочи.

Поезд отправился с задержкой в расписании. Долго ждали важного генерала с семейством, начальник поезда нервничал, проводница вагона СВ суетливо бегала по перрону, пассажиры возмущались. Генерала так и не дождались. У машины, в которой он ехал с семьей на вокзал, неожиданно отказали тормоза, шофер не справился с управлением и на полной скорости врезался в грузовик. Машина загорелась. Генерал, его жена, шофер и нянька малолетнего генеральского сына погибли. В живых остались кухарка Зинаида и ребенок, которого она успела вытащить из полыхающего автомобиля. О героической девушке написали все советские газеты, генерала и его жену похоронили с почетом. Но никто не сомневался, что генерала устранили свои же товарищи по партии. Никто, кроме простоватой деревенской кухарки генерала – Зинаиды...

– Вы уж простите меня, уважаемая Елизавета Павловна, но сил моих больше нет! – Варламов вскочил с кресла и с перекошенной физиономией прошелся по комнате. Елизавета Павловна де Туа, пожилая аккуратная дама с белыми короткими волосами и красивым аристократическим лицом, сняла очки, отложила листы в сторону и расхохоталась.

– Иван Аркадьевич, как я вас понимаю, голубчик! Но вы уж позвольте, я дочитаю до конца. Там не так много осталось.

– Нет, Елизавета Павловна, при всем моем к вам уважении – увольте, душа моя. Слушать этот бред я не стану. Сейчас это, знаете ли, модно стало. Проклятья, ведьмы, вурдалаки – дурь, одним словом! – раздраженно воскликнул Варламов, вновь сел в кресло и закинул ногу на ногу.

С Елизаветой Павловной, вдовой банкира Нейла де Туа, известного в свое время мецената и покровителя высокого искусства, режиссер познакомился не так давно, но очень скоро они стали друзьями. После смерти обожаемого супруга Елизавета Павловна продолжила его дело и активно занялась благотворительной деятельностью. Меценатство ее, однако, имело узкую направленность. Мадам де Туа щедро вкладывала средства исключительно в культуру и продвижение молодых талантов. Она опекала музыкантов, художников, поэтов, писателей и прочих творческих людей и спонсировала некоммерческие, но талантливые проекты. Перед гением Варламова Елизавета Павловна преклонялась, и двери ее большого дома в стиле «Иль де Франс», расположенного в пригороде Парижа, всегда для него были открыты. Иван Аркадьевич любил бывать здесь и, когда прилетал по делам в Париж, непременно заезжал к мадам де Туа в гости. Ему нравилось, что в интерьере дома, который достался Елизавете Павловне в наследство от супруга, ничто не меняется, а тщательно и ревностно поддерживается в прежнем виде. Цветные витражи на огромных вытянутых окнах гостиной, мягкие персидские ковры, шероховатые напольные вазы, холсты с портретами благородных предков Нейла де Туа, развешанные в тяжелых рамах по стенам, бронзовые светильники, кованые ажурные решетки камина, медные умывальники туалетных комнат, невысокие комоды черного дерева и элегантные бюро – все здесь было мило его сердцу и вызывало трогательное чувство ностальгии по временам ушедшим.

– Ваше мнение для меня всегда имело большое значение, – улыбнулась Елизавета Павловна. – Но вы напрасно, голубчик, на мистику грешите. Людям всегда было интересно то, что не поддается здравому объяснению.

– Речь не о том, душа моя. Авторы подобной халтуры пытаются замаскировать незнание психологии и списывают все на мистическую составляющую. А конец всегда предсказуем. Хотите, я расскажу вам, что там дальше по сюжету? «Черное пусть станет белым, а белое – черным». Мальчик обгорел, ведь так? – Елизавета Павловна кивнула. – Раз обгорел, лицо его стало безобразным. Именно этого на самом деле и боялась генеральская жена

больше всего на свете – что ее ребенок не будет красив, как ангелочек. Погибают все, кроме кухарки Зинаиды. Почему? Да потому, что кухарка – единственная, кто знал об истории с проклятием. Невообразимая глупость, голубушка. Как вы считаете, в реальной жизни стала бы женщина, подобная Таисии, делиться с кухаркой своими неприятностями? Не стала бы. И тем более не спрашивала бы у нее совета. Но нужно же мальчику, когда он подрастет, от кого-то узнать правду, поэтому автор и оставляет кухарку в живых, а с родителями расправляется, чтобы вызвать у читателя дополнительную порцию жалости к герою. «И все люди станут слепы и не увидят истины в том, что ты любишь, а будут видеть только угли и золу». Несомненно, мальчик рос добрым, умным, талантливым и с душой чистой, как у ангела, но люди этого не видели в упор из-за его уродства. Мальчик был несчастлив, страдал и мучился, никто его не понимал и не любил, а Зинаида тем временем, уверенная, что не в безобразном лице дело, даром времени не теряла и делала все возможное, чтобы снять заклятие. Она долго и упорно разыскивала старуху и, конечно же, нашла. И стала ее допытывать. Старуха, несомненно, к тому времени уже раскаялась, но была не в силах помочь и отправила кухарку восвояси, пообещав, что заклятие победит только настоящая любовь. Возможно, поставила какое-нибудь обязательное условие для юноши, чтобы тому жизнь медом не казалась. Не суть важно.

– Поразительно, именно так все и было! Почти... – восхищенно воскликнула Елизавета Павловна и захлопала в ладоши.

– Что значит – «почти», голубушка? Неужели я в чем-то ошибся?! – притворно возмутился Варламов.

– Что вы, ни на минуточку не ошиблись. Далее события развивались именно так, как вы сказали. Но у этой повести нет конца. Она оборвалась на самом интересном месте, и я так и не узнала, чем все закончилось.

– Уверен, что все закончилось хорошо, – мягко улыбнулся Иван Аркадьевич. – Юноша сделал все, как велено, и тут же объявилась красотка с добрым сердцем, которая полюбила несчастного за его светлую душу. И юноша так обрадовался, что сразу разбогател, нашел высококлассного пластического хирурга, сделал себе операцию и превратился в красавца. И стали они жить-поживать и добра наживать.

– Шутник вы, Иван Аркадьевич! Но что же мне со всем этим делать? Признаться, я очень сильно рассчитывала на ваш совет. Ума не приложу, почему именно мне прислали эту неоконченную повесть по почте?

– Вы у нас известная меценатка, – добродушно сказал Варламов. – Автор, вероятно, решил, что может заинтересовать вас отрывком из своего гениального произведения, и вы тут же броситесь продвигать новый талант. Что, впрочем, вы сейчас и пытаетесь сделать.

– Да, но на конверте нет обратного адреса и имени отправителя, – возразила Елизавета Павловна. – Автор даже не посчитал нужным указать свое имя и возможный способ связи в случае моей заинтересованности. Согласитесь, Иван Аркадьевич, это очень странно.

– Ничего странного. Он намеренно напустил на себя ореол таинственности, чтобы вас заинтриговать. И, как я понимаю, у него это неплохо получилось. Не сомневайтесь, скоро он сам объявится. Советую сразу же его отшить, иначе не отвяжетесь потом.

– Вы правы, Иван Аркадьевич. Как всегда. Заинтриговал меня этот паршивец донельзя! Ну да ладно – шут с ним, раз вы считаете, что повесть эта не стоит и ломаного гроша. По правде говоря, я и сама так считаю, – вздохнула Елизавета Павловна и убрала рукопись в стол. – А не выпить ли нам еще кофейку? – спросила она и загадочно посмотрела на Варламова. – Признаюсь, я просила вас приехать совсем не из-за этой вещицы. У меня к вам дело, друг мой, очень личное и сугубо конфиденциальное.

– Я весь внимание, Елизавета Павловна. Но что случилось? – с беспокойством спросил Варламов.

– Так как насчет кофе? – робко спросила мадам де Туа, и Варламов уловил в лице Елизаветы Павловны смущение и нерешительность.

– Кофе подождет, голубушка. Выкладывайте, что у вас стряслось, и немедленно, – подбодрил он ее.

– Как вы знаете, я человек публичный, – начала Елизавета Павловна. – У меня множество друзей, но доверять я могу далеко не всем. На вас вся надежда, голубчик. Дело, в которое я собираюсь вас посвятить, касается Мишель.

– Что на этот раз натворила ваша горячо любимая племянница? – иронично спросил Варламов.

– Она влюбилась! – обреченно вздохнула мадам де Туа, и Варламов от удивления расширил глаза и сконфуженно закашлялся. Елизавета Павловна тоже откашлялась и надолго замолчала, нервно теребя кружевной платок. Варламов ждал. – Господи, у меня больше нет сил противостоять ей! – неожиданно воскликнула Елизавета Павловна. – Она вся в мать! Просто копия моей непутевой сестры, царствие ей небесное. Та тоже путалась неизвестно с кем и счет деньгам не знала. Поэтому и кончила плохо. Но скажите мне на милость: как я могу доверить племяннице свое состояние и дело всей моей жизни, если она такая же беспутная, как и моя сестра? Как?! Одна у меня надежда, что Мишель выйдет замуж за приличного человека, который ее усмирит.

– Догадываюсь, о чем пойдет речь: очередной избранник Мишель не подпадает под ваш эталон, – насмешливо сказал Варламов. – Признаться, душа моя, я не совсем понимаю, чем могу вам помочь в этом интимном вопросе? – удивился Иван Аркадьевич, и ему вдруг страстно захотелось бежать из дома Елизаветы Павловны со всех ног. Но очень скоро, внимательно выслушав Елизавету Павловну, Варламов изменил свое мнение.

В гостиницу он вернулся с горящими глазами, дрожью в руках и приятным томлением в душе. Так бывало всегда, когда режиссер загорался новой гениальной идеей.

Часть первая

Глава 1 Фильм, фильм, фильм...

Франция, начало апреля, 200... год

В Париж она влюбилась сразу, с первого взгляда, с первого вздоха. Город околдовал ее своим неповторимым шармом. На улицах капризничал апрель, прохладный и дождливый, совсем не характерный для Европы. Еле уловимо пахло кофе и горячими круассанами, именно теми, о которых принято говорить, вспоминая поездки в Париж.

Алевтина бродила с разноцветным зонтиком по промокшим улочкам, кутаясь в короткое демисезонное пальтишко, прислушивалась к звукам дождя, тихому дыханию мутной Сены, звону колоколов собора Парижской Богоматери, наслаждалась созерцанием. Ей нравилось все: и цветущие вдоль бульваров знаменитые каштаны, и прохожие, спешащие укрыться от дождя в уютных кафе, и влажные фасады домов с приземистыми крышами, и шпиль Эйфелевой башни, утопающий в легкой дымке тумана.

Это было непостижимо. Она здесь. В Париже! А вокруг – живая история, к которой можно прикоснуться рукой, пощупать, рассмотреть вблизи.

Париж разительно отличался от городов, в которых ей довелось побывать в последнее время. Он был уникален. И замирало сердце от предвкушения, что премьера фильма «Love with a touch of mint» должна состояться именно здесь. А помотаться пришлось много, было с чем сравнить. Съемки картины велись в нескольких европейских странах – Дании, Австрии, Голландии и Италии. Постоянные переезды, скверные отели, съемки по пятнадцать часов в сутки, яркие софиты, бесконечные пластиковые стаканчики с крепким кофе, привкус горечи на губах, и – дубли, дубли, дубли... Иной раз казалось, что она не выдержит, сорвется, сойдет с ума. Перед началом съемок Варламов предупредил, что будет требовать от нее невозможного. На его слова Алевтина отреагировала с улыбкой и пообещала слушаться режиссера во всем. Если бы она только знала, что стоит за его предупреждением! Варламов безжалостно ломал ее, бессовестно вторгаясь в разум и душу. Алевтина неосознанно сопротивлялась, ей казалось, что она теряет себя, но он продолжал давить, пока она окончательно не поддалась его воле. Она стала куском глины в его умелых руках. Он, как гениальный скульптор, вылепил из нее другого человека и вдохнул в свое творение чужую душу, незнакомую, запутанную... больную. Она вдруг стала мыслить по-другому, чувствовать иначе, двигаться, говорить... Удивительно, но дубли очередных эпизодов сократились, и играть стало заметно легче. Играть легче, а жить – невыносимо. Варламов оказался чудовищем, но каким гениальным чудовищем! Клим был прав, не доверяя этому человеку. Возможно, еще тогда он сумел разглядеть эту опасную двойственность его натуры. В нем жили две полярности – гений зла и гений блага.

Отношения между ними строились очень сложно. Алевтина то боготворила его, то ненавидела. Варламов измывался над ней и в то же время нежно опекал. Все было так запутано, но она ни секунды не сожалела, что судьба свела ее с этим неординарным человеком. Теперь она знала, что значит по-настоящему играть.

От съемок она отходила тяжело и долго. После окончания работы над картиной Варламов отправил ее на один из самых престижных курортов Сицилии – в Таормину. Он словно почувствовал, что ей нельзя возвращаться домой в подобном состоянии, нужно вновь обрести себя. Прогуливаясь по парку отеля в тени вековых кипарисов и изысканных магнолий, нежась под лучами ласкового средиземноморского солнца и любясь ослепительными видами залива Наксос, она окончательно оправилась. Но так случилось, что из Италии ей пришлось лететь не в Москву, а в Париж, на премьеру фильма. Это было неожиданно и скоро. Окончательный монтаж планировали завершить только через две недели, но упрямились раньше срока. А она так рассчитывала увидеться с Климом!

Клим... Сумасшедшим летом прошлого года судьба подарила ей любовь и счастье, но решила проверить отношения на прочность, так надолго разлучив их.¹ Всего две недели они жадно наслаждались друг другом. Но расписаться так и не успели. Алевтине пришлось спешно выехать на кинопробы в Данию, Клим улетел по делам на Сахалин, подарив ей перед отъездом кольцо своей бабушки – очаровательное скромное колечко с бирюзой, которое она с тех пор всегда носила на пальце. Несколько раз Клим выкраивал время и приезжал к ней на съемки. Последний раз она виделась с женихом три месяца назад. Он прилетел в Милан всего на пару дней, но последняя встреча прошла напряженно и как-то совсем неправильно. Они встретились и расстались, словно чужие люди. Она полностью растворилась в роли, он выглядел усталым, раздраженным и взвинченным, вскользь объяснив, что дела идут в последнее время неважно. Возможно, он искал в ней поддержку, которую Алевтина не смогла ему дать. Теперь она жалела об этом всей душой, страшно тосковала и ждала встречи. Была еще одна причина, из-за которой в их отношениях назрел конфликт. Клим вздумал ревновать ее к партнеру по фильму и устроил самый настоящий «разбор полетов». Тогда она восприняла его упреки в штыки и страшно разозлилась, но сейчас, вспоминая свое прежнее состояние, испытывала угрызения совести. Пожалуй, ревность Клима была вполне обоснованной. Партнер по картине, известный датский актер Рутгер Ольсен, статный голубоглазый красавец, с белыми, как альпийский снег, волосами и ямочкой на подбородке, на самом деле сильно волновал ее. К счастью, роман между ними случился лишь на экране. Немного позже Алевтина поняла причину своего состояния. Она так глубоко ушла в роль, что перестала понимать, где реальность, а где игра. Ее чувства были всего лишь эмоциями героини, а не личными переживаниями. Клим тоже со временем успокоился и извинился за свое глупое поведение. Она перевела все в шутку, но тактично намекнула, чтобы он настроился на то, что в картине есть откровенная постельная сцена. Клим пришел в ярость, пообещал, что удушит Варламова, затем Ольсена, далее – всю съемочную группу по очереди, и бросил трубку. В общем, он снова немножко обиделся. Алевтина тоже обиделась, хотя, конечно, было приятно, что в списке приговоренных к смерти ее имя обозначено не было. Разозлившись, она позвонила Климу и запретила ему вообще приезжать, пообещав, что попросит Варламова сделать адаптированную копию, дабы не подвергать его хрупкую мужскую психику ненужному стрессу. Клим это не устроило, он ехидно сообщил, что не может пропустить такое важное событие в жизни невесты и обязательно, непременно, пулей примчится в Париж. Отговаривать Клима было бесполезно, и Алевтина стала морально готовиться к повторению Варфоломеевской ночи. Но вчера Клим позвонил и трагическим тоном сообщил, что не сможет прилететь, так как вынужден срочно лететь по делам на Сахалин. В общем, вымотал ей все нервы, и без того расшатанные до предела из-за предстоящей премьеры, которая намечалась сегодня вечером в одном из трех знаменитых парижских кинотеатров – «Reflet Medicis». Как же она расстроилась, когда Варламов показал ей место, где будет проходить

¹ О знакомстве Али и Клима с Варламовым и связанной с этим детективной истории читайте в романе Марии Брикер «Мятный шоколад».

показ! Воображение живописно рисовало роскошный кинотеатр, с красной ковровой дорожкой, ведущей к входу, но когда она увидела невзрачное здание на узкой улочке имени французского археолога Шампольона – сникла. Варламов, уловив ее разочарование, постарался Алёу успокоить и объяснил, что в «Reflet Medicis» по традиции крутят фильмы для истинных ценителей подлинного киноискусства и кинотеатр является излюбленным местом парижских киногурманов. Это был своего рода заповедный уголок, по-

хожий на Московский музей кино, и очень скоро она поняла, что Варламов в своем выборе, как всегда, оказался прав – лучшего места для премьеры фильма «Love with a touch of mint» было не найти.

Алевтина посмотрела на часы: пора было возвращаться в отель. Удивительная атмосфера города помогла ей немного расслабиться и забыться, но стрелки часов плавно приближались к самому важному моменту ее жизни. Эйфория и страх вернулись.

До гостиницы было недалеко. Только сейчас она поняла, как продрогла. Алёа ускорила шаг, мечтая как можно быстрее оказаться в номере, принять горячий душ и согреться. Волнение усилило озноб. Руки словно одеревенели. У входа в отель никак не получалось сложить зонтик. Удалось только с третьей попытки. Алевтина влетела в холл, попросила ключ у портье, немного смущаясь, что с зонтика капает вода на пол. Портье, впрочем, на мокрый зонтик не обратил никакого внимания. Передавая Алевтине ключ, он лучезарно улыбнулся и посмотрел ей в глаза так выразительно, что Алевтина засмущалась еще сильнее. Она улыбнулась в ответ, отметив, что у портье юное и совсем несимпатичное лицо, а глаза – с приятной хитринкой, поблагодарила молодого человека, поднялась на свой этаж, сделала несколько шагов и растерянно замерла, заметив, что под дверью ее номера лежит небольшая подарочная коробка, перевязанная блестящей лентой, и бордовая роза. Алёа с замиранием сердца подошла к двери, подхватила розу и подарок, открыла номер, бросила на пол зонт и, на ходу снимая туфли, влетела в комнату.

Осторожно положив на кровать коробку, Алечка торопливо скинула пальто, уселась на покрывало и с наслаждением вдохнула изысканный аромат царицы цветов. Роза была восхитительна: толстый стебель, крупный бутон с перламутровыми капельками воды на лепестках. Правда, она любила розы пастельных оттенков, кремовые и молочно-оранжевые, но это было неважно. Она еще раз вдохнула аромат розы, отложила цветок и принялась с интересом изучать коробку. Карточки с именем дарителя не оказалось, но как же она обожала сюрпризы! Алёа потрясла коробку, прислонила к ней ухо, снова повертела в руках, пытаясь представить, что внутри, оттягивая самый приятный момент. В коробке что-то мягко стучалось о стенки, а в душе поднималась теплая, согревающая волна нежности – она почему-то не сомневалась, что это подарок от Климa. Пожалуй, розу доставили слишком рано, ведь премьера еще не состоялась, но все равно было невероятно приятно и так трогательно, что хотелось плакать. Но плакать ей никак нельзя! Сегодня она просто обязана выглядеть потрясающе. На премьере должен собраться парижский бомонд. «Бомонд», – Алевтина зажмурилась, и ей вдруг стало по-настоящему жаль, что Клим не смог приехать. Сейчас поддержка близкого человека Алёа бы не помешала. И ничего бы не случилось, если бы он прилетел. Он же не мальчик, в конце концов, а взрослый здравомыслящий мужчина. Глупости какие, ревновать к партнеру по фильму – это же всего лишь кино, а не жизнь.

Алевтина тяжело вздохнула, шумно шмыгнула носом и потянула за ленту...

В дверь постучали.

Алёа отложила коробку и разрешила войти, но посетитель не спешил. Стук в дверь повторился и, как эхо, в такт ему вдруг бешено отозвалось сердце.

– Клим! – закричала она, вскочила с кровати и бросилась к двери. Это был не Клим: на пороге стоял Рутгер Ольсен с бутылкой шампанского в руках и радостно улыбался.

– Ты? Я думала... – Аля тоже улыбнулась, глупо и разочарованно. – И роза? И подарок? Это тоже ты? – тихо спросила она. Рут невнятно помотал головой и откашлялся.

Повисла неловкая пауза. Алевтина нервно усмехнулась, не понимая, как себя вести и что делать. Рут долго и пристально смотрел ей в глаза, потом отбросил рукой волосы назад: свойственный ему жест, от которого сходили с ума его многочисленные поклонницы. Вероятно, он пытался таким же способом произвести впечатление на Алевтину. Но – не произвел.

– Э, Рут, тебе лучше... уйти, – промычала Алевтина, ринулась в комнату, схватила подарок и сунула в руки Ольсена. – Прости, я не могу это принять, – тихо сказала Алевтина и смущенно опустила глазки. Рут растерянно повертел подарок, хотел было что-то сказать, но Алечка не дала ему этой возможности. – Все. Иди, – торопливо сказала она, по-дружески чмокнула Рута в щеку и закрыла перед его носом дверь.

Шаги Ольсена уже давно стихли, а Алечка все стояла и тупо смотрела на дверь – она решительно ничего не понимала. До сегодняшнего дня за пределами съемочной площадки Рутгер не проявлял по отношению к ней совершенно никакого интереса, всегда держался ровно и отстраненно. К тому же во время съемок у Рута был глубоко законспирированный роман с известной актрисой Марией Леви, которая играла роль соперницы ее героини. Отношения их не афишировались, потому что Мария была замужем за известным московским политиком и страшно боялась огласки. Однако невооруженным глазом было видно, что они с Ольсеном – любовники. Рут был по-настоящему увлечен Марией. Алечка даже поревновала немного, так, совсем чуть-чуть: по сценарию вроде было положено. Но она всегда отдавала себе отчет, что с Рутон они не были даже друзьями! Или были? Скорее всего, он и приходил как друг, предположила Алевтина и густо покраснела. Пришел скоротать время до премьеры, а она не предложила ему даже войти. Только ведь смотрел он на нее совсем не по-дружески. И ослепительно красивая роза совсем не походила на дружеский подарок. «Чудеса», – устало вздохнула Алечка и взглянула на часы. Ольсен, как и большинство мужчин, не отличался чувством такта. Как можно было додуматься явиться к женщине в канун столь знаменательного события? На что он вообще рассчитывал? Что она станет пить с ним шампанское, вместо того чтобы наводить марафет? Или он думал, что после подарка и цветов она сразу же бросится ему на шею!

Алевтина раздраженно подернула плечами и направилась принимать душ. Уже очень скоро к ней должен был явиться стилист, чтобы превратить ее в обворожительную светскую львицу. Работа мастеру предстояла не из легких, и Алечка заранее посочувствовала ему, намыливая свою непослушную копну волос восхитительным персиковым шампунем и хмуро размышляя, что все-таки могло лежать в подарочной коробке и чего она в итоге лишилась. Никаких вариантов, кроме мягкой игрушки, в голову не приходило, а их она терпеть не могла. В общем, жалеть особенно не о чем, пришла к заключению Алечка, выключила воду, замотала голову полотенцем, набросила халатик и, услышав стук в дверь, направилась встречать стилиста.

* * *

Варламов ждал ее в холле гостиницы. При ее появлении он тут же соорудил недовольную мину, показал на часы и поволол к машине. Стилист промучил ее дольше, чем планировалось, и теперь они опаздывали. В машине режиссер, к счастью, подобрел, осмотрел Алечкин наряд и одобрительно улыбнулся. Собственно, в этом не было ничего удивительного, потому что в выборе платья для премьеры Иван Аркадьевич принимал непосредственное участие. Именно он любезно помог ей сориентироваться в массе ослепительных дорогих туалетов от модных дизайнеров и посоветовал, что следует надеть на премьеру, дабы не упасть лицом в грязь. Аля четко следовала рекомендациям наставника. К закрытому малень-

кому черному платью, опутанному, словно паутиной, тонким серебряным жгутом, с длинными, узкими, расклешенными у кисти рукавами и воротником под горло, были подобраны замшевые туфли с круглыми мысами, невысоким изящным каблуком, тоже расшитые серебряной нитью, сумочка-мешочек и дымчатый шелковый плащ, подбитый мехом шиншиллы, на случай, если погода в Париже будет прохладной. Над ювелирными украшениями ломать голову не пришлось. В прошлый приезд Клим сделал ей царский подарок: платиновые сапфировые серьги и кольцо. Макияж в холодной гамме, бледно-розовая помада, легкий естественный румянец, изысканный аромат мускуса и гладкая высокая прическа в стиле сороковых годов дополнили образ и сделали ее похожей на самую настоящую кинозвезду. Осталось дожидаться мнения светской парижской публики и кинокритиков, чтобы понять, является ли она таковой на самом деле.

К «Reffet Medicis» Алевтина с Варламовым прибыли в элегантном «Пежо-607». В фойе почти никого не было, гостей уже пригласили занять свои места в зале. Остались лишь организаторы и журналисты, которые мгновенно взяли их в кольцо. Посыпались вопросы. Аля не понимала смысла слов и лишь растягивала губы в улыбке. Радовало, что вопросы задавали не ей, а Ивану Аркадьевичу, иначе она выглядела бы безмозглой идиоткой. Алечку только фотографировали и разглядывали с интересом, таким небрежным и скользким, что ей становилось тошно и хотелось провалиться сквозь землю. Без сомнения, ее воспринимали, как любовницу Варламова, что было крайне неприятно. Не об этом ли предупреждал ее Иван Аркадьевич перед премьерой? В машине он вдруг как-то странно посмотрел на нее и вскользь сказал, чтобы она готовилась к худшему. Она, как всегда, постеснялась уточнить, что он имел в виду, а он тоже, как всегда, не посчитал нужным объяснить более доступно. Как же он любил недосказанности... Аля посмотрела на Ивана Аркадьевича. Держался он молодцом. Внешне выглядел спокойным, шутил и подыгрывал журналистам, но Алевтина чувствовала, что режиссер сильно взволнован и напряжен. Таким она видела его впервые. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Как еще может вести себя режиссер на премьере собственного фильма? Пускай это далеко не первая его картина, какая разница.

Алечка попыталась понять свои ощущения. Пожалуй, в данную минуту она чувствовала себя сродни студентке на первом в жизни экзамене. Ее бросало то в жар, то в холод. В груди бешено стучало сердце, мерзли руки, элегантные туфельки казались стопудовыми гириями. Теперь Алечка жалела, что не выпила с Рут шампанского. Сейчас она не отказалась бы и от стакана водки, лишь бы панический страх, сдавливающий грудь, отступил и она смогла бы адекватно воспринимать действительность.

Варламов кратко ответил на часть вопросов и вежливо пригласил прессу пройти в кинозал, пообещав, что после показа картины на пресс-конференции, посвященной премьере, уделит интервью больше времени. Журналистов это вполне устроило, и их оставили в покое.

В кинозале горел приглушенный свет, журналисты расселись, и в зале почти не осталось свободных мест. И снова мелькнула мысль, что кинотеатр выбран удачно. Уютное камерное помещение с бархатными красными креслами располагало к себе и настраивало на нужную волну спокойного вдумчивого созерцания.

Их появление привлекло внимание, по залу прокатилась волна шепота. Варламов проводил Алевтину к ее месту в первом ряду, где уже ожидала своей участи съемочная группа, а сам поднялся на сцену, чтобы представить картину и поприветствовать гостей. Раздались аплодисменты. Аля кивком поздоровалась со всеми, села рядом с Рутгером Ольсеном и улыбнулась ему мягкой виноватой улыбкой. Рут презрительно оглядел ее с ног до головы, лениво пригнулся к уху и что-то шепнул на английском, дыхнув на нее легким запахом алкоголя. Что именно, Алевтина не разобрала, кажется, Ольсен говорил ей про какой-то пляж.

Вероятно, пытался сделать комплимент, решила Алечка, ответила ему лучезарной улыбкой и завистливо вздохнула, вновь сожалея о том, что отказалась выпить шампанского. Рут почему-то выглядел злым и неестественно расслабленным. Тоже волнуется перед премьерой и обижается, что она его отшила, подумала Алевтина. Иначе почему бы Ольсен вдруг обратился к ней по-английски, хотя вполне сносно говорит по-русски? Хорошо еще, не на датском, с родным языком Ольсена у Алевтины были большие проблемы, точнее, глобальные – она ни слова не понимала. Впрочем, английский тоже был ею успешно забыт, остались лишь смутные воспоминания. Правда, утраченные знания самопроизвольно восстанавливались в экстренных случаях, например, в магазинах, ресторанах и гостиницах. У Рута, вероятно, был обратный процесс, и в стрессовых ситуациях он напроочь забывал русский. «Точно, волнуется», – пришла к выводу Алечка и осторожно покосилась на Рута. Дорогой бежевый костюм в тонкую полоску, жемчужного цвета рубашка с перламутровыми пуговицами, белые волосы небрежно уложены в стильную прическу, легкий загар, румянец на скулах. Ольсен был невозможно хорош собой, и ей было странно, что он нервничает. Несомненно, актера ждал очередной триумф. Глядя на него, невозможно было предположить обратное, даже вечный аллергический насморк, которым страдал Рут и из-за этого говорил немного в нос, поклонницы воспринимали как достоинство. Алевтине в голову вдруг пришла неприятная мысль, что на экране рядом с ним она будет смотреться бледной поганкой. Она совсем сникла и приготовилась к тому, что после премьеры ей ничего хорошего не светит.

Варламов закончил вступительную речь, поблагодарил присутствующих и спустился со сцены. Алевтина заерзала в кресле, ожидая, что режиссер присоединится к ней и она сможет опереться о его дружеское плечо. Но Иван Аркадьевич бодрым шагом прошел мимо и вышел за дверь, вызвав в зале небольшое волнение. Алечка растерянно приподнялась, чтобы бежать за режиссером, но потом вспомнила заметки прессы о том, что Варламов всегда так поступает (уходит из зала во время премьеры своих фильмов и бродит в одиночестве по вестибюлям кинотеатров, ожидая конца просмотра), и уселась обратно в кресло. Как же она понимала Ивана Аркадьевича в данную минуту! Когда свет погас, киноэкран ожил, появилась заставка, зрители затихли, и из динамиков полилась приятная музыка. У Алечки возникло непреодолимое желание выбежать из зала вон. Но вакантное место за дверью уже было занято. Она откинулась на спинку кресла и обреченно уставилась в мерцающий экран.

Елизавета Павловна де Туа последний раз обернулась к входу в кинозал и нервно забарабанила пальцами по подлокотнику кресла: фильм начался, но одно место рядом с ней по-прежнему пустовало. А ведь обещала, что непременно придет, хочет прийти, просто горит желанием увидеть новый фильм Варламова! Опять опаздывает, решила Елизавета Павловна и нахмурилась. Кто-кто, а Мишель не могла пропустить подобное светское мероприятие. Сейчас явится, шумно ворвется в зал, сверкая бриллиантами и оставляя за собой шлейф дорогих духов. Потревожит людей, привлечет к своей персоне нежелательное внимание. Начнутся пересуды... Елизавета Павловна поморщилась и плотно сжала губы: несносное поведение племянницы каждый раз выбивало ее из колеи. Даже фильм смотреть уже особого желания не было. Хотя с первых кадров было видно, что он превосходен, и денег, которые она щедро вложила в этот некоммерческий проект, ей было совсем не жаль. Несомненно, Варламов не прогадал, что пригласил на главную роль Рутгера Ольсена. Как же он хорош, какая стать, какое врожденное мужское обаяние и притягательность! На мгновение Елизавета Павловна залюбовалась героем. Интерес к фильму снова понемногу подогревался. Разгоралось и любопытство – оценить игру актрисы, сыгравшей в фильме главную роль. Варламов пообещал, что Елизавету Павловну ждет сюрприз, но что он имел в виду, она так и не поняла. Возможно, что-то особенное было в игре или внешности актрисы, решила Ели-

завета Павловна, сожалея, что совсем не рассмотрела девушку, когда та вошла в зал под руку с режиссером.

Сюжет увлекал Елизавету Павловну все сильнее. Раздражение по поводу Мишель постепенно проходило. Ей нравился этот неспешный ритм, заданный режиссером, нравилась работа оператора, чудесная музыка, натура...

На экране появился живописный сельский пейзаж. Герой Ольсена шел по дороге к небольшому аккуратному домику, стоящему на отшибе деревни. Он поднялся на крыльцо, постучал, дверь распахнулась, и на пороге появилась девушка в легком белом платье. Оператор взял лицо актрисы крупным планом... Елизавета Павловна подалась вперед и ошеломленно уставилась в экран – с экрана на нее смотрела племянница Мишель!

От волнения у нее запотели очки. Жалея, что не прихватила с собой сердечных капель, Елизавета Павловна суетливо полезла в сумочку, достала салфетку, протерла очки и водрузила их обратно на нос. Наваждение прошло, но Елизавета Павловна по-прежнему пребывала в легком смятении. Сходство актрисы с ее племянницей сначала показалось просто поразительным! Глаза, нос, губы, фигура... Только у актрисы волосы длинные, намного светлее и вьются, кожа – прозрачная, светлая, осанка и походка другие, мимика... Чем больше Елизавета Павловна вглядывалась в черты героини, тем меньше понимала, что общего она могла найти в обеих девушках. Мишель была гораздо ярче и выразительнее. Жгучая брюнетка с короткой стрижкой, смуглая, стройная, надменная. Но первое впечатление все равно не отпускало, пока в зал не ворвалась Мишель. Именно ворвалась, Елизавете Павловне, во всяком случае, так показалось. Мишель поправила стильную меховую кепочку, расстегнула полушубок и стала высматривать тетушку среди зрителей. Елизавета Павловна махнула племяннице рукой, Мишель заметила ее, сделала несколько шагов, остановилась и обернулась к входу, словно что-то привлекло ее внимание.

Глава 2

Назло врагам

Почему, ну почему французские диспетчеры решили бастовать именно сегодня?! Вылет задержали на несколько часов. Когда же самолет приземлился в аэропорту Орли, то стало понятно – заехать в гостиницу он не успевает. Пришлось принимать душ наспех, в аэропорту, и переодеваться тут же. Чемодан он оставил в камере хранения. Цветы купил совсем не те, что хотел. Таксист, как назло, тащился, как черепаха. Клим нервничал. Ну все, просто все было не так!

На премьеру он опоздал на полчаса, расплатился с таксистом и, на бегу вытаскивая из кармана пригласительный билет, ворвался в кинотеатр. По вестибюлю, сунув руки в карманы фрака, прогуливался Варламов с задумчивым, сосредоточенным лицом. На появление Клима Иван Аркадьевич почти не отреагировал.

– Приехал все-таки? – сухо поинтересовался он, вяло пожал ему руку и подвел Клима к двери в один из кинозалов.

– Вы по телефону сказали, что у вас ко мне очень важное и срочное дело, вот я и прилетел. Дай, думаю, совмещу полезное с приятным. Что за дело? Могу я узнать?

– Все вопросы мы могли легко решить в Москве. На днях я как раз туда собирался. Ты зря приехал, Клим, – жестко сказал Варламов. – Букет, кстати, дрянной, – добавил он невзначай, – на твоём месте я бы выкинул этот веник в помойку.

– Этот веник я приготовил специально для вас. Презентую вам, так сказать, лично, в руки, сразу же после премьеры, – сквозь зубы процедил Клим.

– Ладно, Клим, иди. Алечке сейчас нужно твоё участие. Она сидит в первом ряду, – неожиданно миролюбиво сказал Варламов, открыл дверь и втолкнул Клима в полумрак кинозала.

Стараясь не шуршать упаковкой букета, Клим на цыпочках проследовал в зал и чуть не выронил цветы из рук – в двух шагах от него стояла Алевтина. Это было так неожиданно, что он не удержался от эмоций, бросился к невесте и сжал ее в объятиях.

– *Que vous utilisez, idiot?!²* – зашипела низким голосом невеста и с силой отпихнула Клима от себя. Клим вжался в стену и вытаращил глаза. Перед ним стояла совершенно незнакомая девушка, судя по всему, француженка. Теперь, хорошо рассмотрев эту девушку, Клим не понимал, как он мог принять ее за Алевтину.

– Э-э-э, пардон, – шепотом промямлил он и почему-то спрятал букет за спину. – Пардон, мадемуазель, обознался. Это же надо, так лохануться! Где тут у вас первый ряд? Ага, там. Всего хорошего, о’ревуар, – Клим учтиво поклонился.

Француженка холодно улыбнулась и, не сказав ни слова, стала пробираться в глубь зала к своему месту. А Клим все стоял, растерянно глядя ей вслед. Похоже, перелет плохо отразился на мозгах и у него начались зрительные галлюцинации. Очнулся он только тогда, когда француженка села и о чем-то зашептала с пожилой дамой по соседству. Удивительно, но, кроме той дамы, никто не обратил на происшествие внимания: зрители увлеченно смотрели фильм.

А посмотреть было на что! На экране его невеста занималась любовью с белобрысым красавцем Рутгером Ольшемом, принцем датским, мать его... Негодяй трогал Алевтину за... за... И гладил ее по... по... А она... она отдавалась ему с такой самоотверженностью и сладострастием, как будто так и надо!

² Что вы себе позволяете, идиот?!

Перед глазами все поплыло, он вылетел вон из зала, просвистел мимо Ивана Аркадьевича и понесся сломя голову на улицу, оставив после себя на полу осыпавшиеся с букета лепестки роз.

Иван Аркадьевич проводил взглядом удаляющуюся фигуру и хихикнул. «Право, как неловко получилось: воткнуть жениха Алевтины в кинозал в самый провокационный момент», – подумал Иван Аркадьевич и ехидно потер ручки. Но разве ж он знал? Разве знал он, что именно в эту минуту, тридцать пятую с начала фильма, герой сольется воедино с героиней. И на часы даже не смотрел! Настроение Ивана Аркадьевича заметно улучшилось, а то он уж было затосковал. Хотя, конечно, Клим спутал ему все карты. И за каким лешим его принесло в Париж?! Придется принять меры, чтобы Клим не прорвался на банкет. К счастью, вечеринка будет закрытой и сделать это будет несложно. Иначе Ольсену придется потом долго прикладывать примочки к множественным гематомам лица. Впрочем, на Ольсена Ивану Аркадьевичу было плевать, напротив, понаблюдать за «битвой минотавров» было бы занятно, но не сейчас и не сегодня. Допустить, что Клим каким-то образом засветится на вечеринке, Варламов никак не мог, поэтому достал сотовый и отдал короткое распоряжение организаторам банкета. Вопрос был улажен, осталось позаботиться об Алевтине и не дать ей возможности случайно столкнуться с любимым до завершения мероприятия. Иначе все, что он задумал, осуществить будет гораздо сложнее, а это совсем не входило в его планы.

* * *

Это был успех! Когда-то давно она уже ощущала нечто подобное, в ранней юности, стоя на обшарпанной сцене школьного актового зала. И это легкое головокружение, и бешеное сердцебиение, и пьянящее ощущение счастья.

Под громкие овации Варламов представил их команду публике. Когда Иван Аркадьевич назвал ее имя, из зала посыпались восторженные комплименты и крики: «Браво!» Оператор Сергей Грушевский смачно чмокнул ее в щеку. Рут склонился в легком поклоне и поцеловал Але руку, что вызвало у зрителей новую волну восторгов. Мария Леви шепнула что-то приятное ей на ухо. Сама Мария Леви, которая всегда разговаривала с Алевтиной свысока и считала ее пустышкой! Кажется, все получилось. Ее игру оценили. Але доказала, что она – настоящая актриса, не какая-нибудь там, а самая-самая... Кинозвезда, одним словом! Завтра о ней напишут в газетах. Завтра она проснется знаменитой. Завтра... Она уже чувствовала этот дурманный запах будущей мировой славы. Он словно витал в воздухе, ласкал, искушал, пугал... но ей хотелось, чтобы завтра подольше не наступило. Потому что завтра все будет иначе, совсем не так, как сегодня. Поблекнет яркость эмоций, исчезнет привкус волшебства. Она отрезвеет, посмотрит на свой успех другими глазами, начнет привыкать. Но это все лирика. Вещи приземленные Алечку волновали не меньше. Она уже знала заранее, что утро следующего дня станет для нее кошмаром, потому что проснется она с дикой головной болью и провалится в номере трупом до вечера – после неумеренного количества выпитого сегодня на банкете шампанского. В общем, Алечке хотелось, чтобы завтра не наступало как можно дольше, а сразу наступило бы послезавтра, когда она наконец вернется в Москву и увидится с любимым.

В ее ушах еще звучали аплодисменты, когда они подъехали к месту, где должна была состояться вечеринка, но Алечка уже относительно успокоилась и, можно сказать, смирилась со своим новым статусом кинозвезды. К тому же Иван Аркадьевич дал ей возможность настроиться на банкет: после небольшой пресс-конференции он запретил ей возвращаться в отель и в течение часа катал на машине по вечернему Парижу. Поэтому в гостеприимные

двери изящной гостиницы «Летиция», расположенной в самом сердце квартала Сен-Жермен, Алечка вошла почти твердым шагом, опираясь о руку Ивана Аркадьевича.

– Алечка, вы в курсе, что в этой гостинице любили останавливаться великие Пикассо и Матисс, а генерал Шарль де Голль провел здесь свой медовый месяц? – поинтересовался Варламов.

– Потрясающе! – восторженно воскликнула Алевтина. Отель был выполнен в стиле арт-деко и декорирован в традициях той «безумной» эпохи – роскошь и утонченность. Аля была очарована с первой минуты. – Вы поэтому решили организовать здесь вечеринку? – спросила она, восхищенно оглядываясь по сторонам.

– Нет, просто я тоже почти всегда останавливаюсь в этой гостинице, когда приезжаю в Париж, – хихикнул Иван Аркадьевич и увлек ее за собой.

Они прошли мимо массивной стойки администратора по черно-белому полу-домино изысканного холла, передали верхнюю одежду швейцару и вошли в элегантный пиано-бар. В уютном зале все уже было готово, столы для банкета были накрыты, на сцене трио музыкантов играло джаз. Они прибыли немного пораньше, чтобы встретить гостей, которые отправились по домам, переодеваться в вечерние туалеты. Почему-то Варламов не предупредил, что следует приготовить два разных наряда – для премьеры и банкета, возможно, предвидел, что времени вернуться в отель и переодеться у нее не будет. Впрочем, она так устала, что ей было уже все равно. Да и в кинотеатре почти никто не снимал верхней одежды, она тоже не была исключением, поэтому ее вечернего платья никто не видел – это немного успокаивало.

К ним подошел официант с напитками и предложил аперитив. Варламов подхватил с подноса два бокала мартини, один передал Алечке и, указывая на статую, украшавшую зал, объяснил:

– Это работа Верье. По-моему, очень гармонично вписывается в интерьер и придает ему неповторимый шарм. Вы не находите, Алечка?

– Нахожу, – улыбнулась Алевтина, сделав глоток мартини и усиленно пытаюсь вспомнить, что ей известно о знаменитом скульпторе. Вспомнить ничего не удалось, поэтому Алечка, дабы не опозориться, сделала вид, что очень сильно увлечена игрой джазменов и поглощением аперитива. К несчастью, вкус сухого мартини ей не нравился категорически, хотелось ананасов в шампанском, восторгов и комплиментов, но как-то неудобно было поставить на поднос полный бокал и взять другой. – Чудесная музыка! – восторженно заявила Алевтина, сделала очередной глоток и непроизвольно скривилась.

– Это лучшая джазовая группа, которую можно было найти в Париже, – похвалился Варламов и с удивлением посмотрел на перекошенную Алечкину физиономию. – Но я вижу, эти ребятки вам не по душе, Алевтина. Очень жаль.

– Что вы, Иван Аркадьевич! Они играют исключительно хорошо, – с жаром возразила Аля, одним глотком допила мартини до дна и снова непроизвольно скривилась. В голове приятно зашумело, Алечка сладко улыбнулась Ивану Аркадьевичу, потом подоспевшему официанту, поставила на поднос пустой бокал и ухватила новый, на этот раз с шампанским.

– Ольсен передал вам от меня маленький сувенир? – спросил Иван Аркадьевич, и Алевтина закашлялась. – Я просил его отнести в ваш номер бутылочку «Вдовы Клико», чтобы вы немного расслабились перед премьерой, – уточнил Варламов, и Алевтина, покраснев, как вареный рак, судорожно замотала головой, пытаясь удержать истерический хохот. – Так я и думал, что зажмет, паразит, – разочарованно вздохнул Иван Аркадьевич и, заметив первого гостя, хмурого критика в мятом вечернем костюме, который мучил их вопросами на пресс-конференции больше всего, с распростертыми объятиями направился ему навстречу.

Критик поздоровался за руку с Варламовым, отвесил поклон Алевтине, перекинулся с Иваном Аркадьевичем парой слов, по-свойски огляделся и бодрым шагом направился к столу. Вслед за критиком потянулись другие гости, и очень скоро у Алечки зарябило в глазах

от обилия дорогих туалетов и незнакомых лиц. Варламов вдруг куда-то испарился все с тем же недовольным мятым критиком, и Алевтина осталась одна. Хуже было другое: почему-то никто не спешил заваливать ее комплиментами и восторженными похвалами. «И где же мои поклонники?» – разочарованно думала она, рассеянно поглядывая по сторонам. Журналисты «пафосных» журналов и газет, кинокритики, прибывшие в основном из России, и парижский бомонд, состоявший, к удивлению Алевтины, исключительно из русскоговорящих (с характерным грассирующим «эр») титулованных персон, активно принимали «на грудь», обсуждали фильм и прочие новости, но никто не обращал на нее совершенно никакого внимания. Нет, конечно, ей улыбались, если она встречалась с кем-то взглядом. Даже пару раз сказали «браво» и подняли в ее сторону бокал, но подходить к ней не торопились. Казалось, даже официант не видел ее в упор. Несколько раз он просвистел мимо с подносом, не обратив внимания на ее опустевший бокал. Раздобыть себе «напиток богов» удалось только с четвертой попытки. Алечка глубоко вздохнула, снова выпила шампанское залпом до дна и стала выискивать глазами Рутгера Ольсена или еще кого-нибудь из съемочной группы – напиваться в одиночестве было как-то тоскливо и неинтересно. Еще Алечка планировала извиниться перед Рут. Бедняга, вероятно, потерял дар речи, когда она попросила его удалиться, всучила «подарок» и захлопнула перед его носом дверь. Теперь было понятно, что подарок и розу презентовал не Рут. Выходит, она отдала Руту то, что совсем ему не предназначалось. Стало почему-то обидно. Гад, мало того, что завладел чужой бутылкой дорожного шампанского от Ивана Аркадьевича, так еще и ее презент от Климата уволок – в том, что подарок был от жениха, Алечка не сомневалась. Наверное, уже открыл, тяжело вздохнула Алечка. Интересно, что же все-таки лежало в той проклятой коробке?!

Ольсена нигде не было видно, что показалось Алечке очень странным. Оператор Сергей Грушевский всю ворковал с Марией Леви и был настолько «погружен» в ее глубокое декольте, что у Алечки духа не хватило его отвлечь. Сергей был давно и страстно влюблен в актрису, следовал за ней тенью, но Мария не видела его в упор. Алечка симпатизировала оператору и сочувствовала ему. Пожалуй, он был единственным из съемочной группы, с кем она поддерживала теплые, дружеские отношения. С Сергеем было приятно пропустить по бокалу вина или просто поговорить «за жизнь». Грушевский был профессионалом своего дела, открытым и далеко не глупым человеком, но ему дико не везло в личной жизни. И дело было даже не в том, что Сергей влюблялся не в тех женщин, и даже не в его внешности: светлоглазый, светловолосый, не худой, не толстый, среднего роста, приятный, вполне симпатичный парень, ему не хватало главного – внутреннего огонька, мужского обаяния, изюминки, способной подстегнуть у противоположного пола интерес к своей персоне. Однако сегодня был явно его день. Звезда спустилась с небес, одарила его своим благосклонным вниманием, и даже издали было видно, как оператор счастлив.

У одного из столов с закусками Алечка застукала актрису Анастасию Звягинцеву, впрочем, где можно отыскать Звягинцеву, Алечка и без того знала. Анастасия сыграла в фильме тетку ее героини, роль была эпизодической, но, чтобы получить ее, Звягинцевой пришлось выполнить жесткое условие Варламова: сесть на строгую диету и сбросить пятнадцать килограммов. Анастасия мужественно сбросила их и роль в итоге получила. Держалась она и во время съемок, ограничивая себя во всем и с завистью косясь на шоколадки, которые Алечка уплетала постоянно и в больших количествах, как наркоманка. Это было единственным средством, которое приносило Алевтине радость и помогало бороться с депрессией во время тяжелых съемок. Но сразу же после завершения работы над картиной Анастасия стала активно возвращать себе былую форму. Пять килограммов она уже набрала и сейчас пыталась вернуть оставшиеся десять, сосредоточенно уплетая тарталетки и канapé одну за другой. Со стороны это выглядело не очень прилично, и пить со Звягинцевой Алечке категорически расхотелось.

Варламов снова мелькнул в толпе, кинокритик наконец-то от него отстал, и теперь Иван Аркадьевич любезно общался с элегантной пожилой дамой с короткими белыми волосами. Несколько раз дама оглядывалась и искала кого-то глазами в толпе. Потом случайно столкнулась с Алевтиной взглядом, долго и заинтересованно ее разглядывала. Алечке стало неловко, но она поняла, что дама сильно близорука. Варламов тоже посмотрел в ее сторону, склонился к уху дамы и что-то зашептал, дама закивала. Некоторое время Алечка размышляла – подойти к Варламову или нет. Вроде бы ничего в этом не было особенного, но, с другой стороны, если бы Иван Аркадьевич захотел, то сам бы подошел и представил ее своей собеседнице. Алечка вдруг разозлилась. Строить из себя светскую даму и оставаться на этой «свинской» вечеринке у нее не было больше никакого желания. Она остановила официанта, взяла очередной бокал шампанского, снова опустошила его, поставила пустой бокал на поднос и решительно направилась к выходу. В дверях она остановилась, обернулась и хмуро оглядела пеструю толпу. Слабая надежда, что хотя бы один человек с сожалением посмотрит ей вслед и попытается удержать, растаяла как дым. На душе стало горько, как во рту после первого глотка сухого мартини. Вот тебе и море поклонников! Вот тебе и вселенская слава! Натe, получите! Похоже, слишком рано она стала праздновать победу и возомнила себя кинозвездой. Наглый Ольсен – вот это кинозвезда. Если бы он был здесь, вокруг него сразу бы стали виться дамочки всех возрастов, а журналисты вновь засыпали бы его вопросами. Почему же он не пришел? Он, страстный любитель вечеринок и банкетов? Не было ни одной вечеринки, от которой Ольсен бы отказался, а тут – премьера! Что же случилось? «Ну и фиг с ним», – еще больше разозлилась Алевтина, мысленно плюнула на весь парижский бомонд и ринулась к выходу, на полном ходу налетев на что-то стремительное и яркое. Стремительное и яркое изящно выругалось на французском.

Аля смутилась и залепетала слова извинения, разглядывая предмет столкновения. Пред ней стояла хрупкая брюнетка с короткой стрижкой, во взрывоопасном пурпурном платье. В тон платью были и туфельки, и сумочка.

– Ничего страшного, – смиловилась брюнетка, поправила соскользнувшую с плеча бретельку платья и дружелюбно улыбнулась. – Решили сбежать с вечеринки, пока никто не видит? – иронично спросила девушка по-русски. У нее был низкий голос и приятный легкий акцент, который ей невероятно подходил. Совсем не красавица, но было в ней что-то удивительно притягательное, необъяснимый шарм и мощная энергетика. Она была восхитительна, эта девушка, и Алевтина на мгновение залюбовалась ею. Брюнетка тоже с интересом разглядывала Алю, и в ее темных глазах прыгали озорные чертики.

– Мне нужно идти, простите, – робко сказала Аля и попыталась обойти девушку.

– Умоляю, останьтесь! Я пришла на эту скучную вечеринку только ради вас! – воскликнула брюнетка.

– Ради меня? – опешила Алевтина и от неожиданности отступила на пару шагов назад.

– Можете смело записать меня в список почитателей вашего таланта, милая моя Алевтина. Я в совершеннейшем восторге от вашей игры! Скажите же мне, как вам удалось так исключительно вжиться в образ героини? Вы изучали систему Станиславского? Простите, я не представилась, – спохватилась брюнетка и протянула ладонь для рукопожатия. – Мишель Ланж, можно просто Мишель.

Они пожали друг другу руки. Ее ладонь, тонкая и изящная, оказалась прохладной. Это было странно, потому что сама Мишель напоминала живой пожар. Все ее движения, осанка, выражения лица, одежда говорили о том, что эта девушка обладает сумасшедшим темпераментом.

– Очень приятно, а меня зовут... Ах да, вы знаете, как меня зовут... – Алевтина засмеялась. Мишель тоже засмеялась, и, в отличие от голоса, смех у нее оказался звонким и каким-то беззащитным.

– Не возражаете? – спросила она, выудив из сумочки пачку сигарет и изящную позолоченную зажигалку. Алевтина отрицательно мотнула головой. Мишель прикурила тонкую сигаретку с позолоченным ободком вокруг фильтра, выдула дым к потолку и огляделась, выискивая кого-то глазами.

Алечка напряглась, ей почему-то не хотелось, чтобы эта удивительная раскованная девушка растворилась в толпе.

– Вы прекрасно говорите по-русски, – торопливо сказала Алечка, пытаясь поддержать разговор.

– Что вы, помилуйте! Вы мне льстите. Хотя не скрою, изучению русского я посвятила довольно много времени. У меня русские корни, – объяснила Мишель, широко улыбнулась и помахала кому-то рукой с сигареткой. Алевтина обернулась и совсем не удивилась, когда заметила несколько восхищенных мужских и заинтересованных женских взглядов, обращенных в их сторону. Несомненно, в этой светской тусовке мадемуазель Ланж пользовалась большой популярностью. – Моя мама была русской, а отец – французом, – вернулась к разговору Мишель. – Они трагически погибли, когда я была совсем маленькой.

– Мне очень жаль, – посочувствовала Алевтина.

– Я их совсем не помню, – спокойно отреагировала Мишель. – В целом мое владение русским – это заслуга моей тетушки. После смерти родителей она стала моим опекуном. Так вот, она так упорствовала в желании научить меня языку, что испортила мне детство. Не понимаю, почему я вам все это рассказываю, Алевтина? – удивленно приподняла бровки Мишель, сделала глубокую затяжку, поискала глазами пепельницу и, не обнаружив ее в пределах досягаемости, стряхнула пепел прямо на пол.

– Я тоже рано лишилась родителей, меня воспитала тетушка, только кошмаром моего детства стали уроки вокала, которыми она мучила меня с ранних лет, – игнорируя последний вопрос, сказала Алевтина.

– Вы не находите, что мы с вами очень похожи, Алевтина? – задумчиво спросила Мишель, пристально глядя Алечке в глаза. Аля неопределенно пожала плечами, кивнула и глупо улыбнулась. – Вы правы, мой вопрос звучит неуместно, – виновато сказала Мишель. – Простите и не берите в голову. Вы впервые в Париже?

– Да, и очень жаль, что у меня было мало времени, чтобы осмотреть все. Удивительный город! – с восторгом отозвалась Алевтина. – А вы когда-нибудь бывали в России?

– К своему стыду, ни разу, но довольно скоро я собираюсь в Москву на выставку одного художника, – сообщила Мишель, и глаза ее просияли. Она вдруг стала похожей на ребенка, которому пообещали вкусную конфету. Что-то тут не так, решила Алечка.

– Если хотите, я дам вам на всякий случай свой телефон. Будет желание, позвоните. Могу показать вам Москву, если вы... – Алевтина осеклась: кажется, она погорячилась. Вряд ли этой девушке пригодится ее номер телефона. Но Мишель тут же оживилась, полезла в сумочку, достала мобильный, чтобы внести номер в записную книжку. Алевтина продиктовала номер своего сотового и вздохнула с облегчением.

– Я непременно позвоню вам, с вашего позволения. Огромное спасибо! Вы мне очень симпатичны, Алевтина, – широко улыбнулась Мишель, оглядела зал и тут же трагически вздохнула: – Боже мой, какая скука! Какие постные лица вокруг. Вижу, вы тоже изнываете от тоски. Идемте же скорее!

– Куда? – удивилась Аля.

– Во-первых, моя тетушка уже давно активно подает мне тайные знаки, чтобы я никуда вас не отпускала и подвела к ней. Во-вторых, я хотела бы выразить свое восхищение еще одному гениальному человеку – Ивану Аркадьевичу Варламову. Пора его спасти! Вижу, тяжело ему приходится, потому что моя тетушка энергично пытается его очаровать. В-третьих, я страстно хочу шампанского, а бестолковый халдей не считает нужным подойти к нам

и предложить напитки. Нужно непременно его отчитать... Куда это годится?.. Да, Алевтина, не будете ли вы так любезны посвятить меня в значение слова – лохануться? – невзначай спросила Мишель, увлекая Алю за собой.

– Это значит – попасть впросак, сделать что-то не так, – тщательно подбирая слова, объяснила Аля.

– Благодарю за разъяснение, – кивнула Мишель и подвела Алевтину к своей тетушке-кокетке.

Как оказалось, Ивана Аркадьевича спасти не было необходимости: общество мадам Елизаветы Павловны де Туа его совсем не тяготило. И это было вполне понятно. Во-первых, мадам оказалась очень приятной во всех отношениях женщиной, во-вторых, как выяснилось в процессе беседы, именно она выступала главным спонсором фильма Варламова и помогла организовать закрытую премьеру картины в Париже. Для Мишель это оказалось самым настоящим открытием, она, кажется, даже немного обиделась на тетушку, что та не поставила ее в известность, но очень скоро обида прошла, и Мишель с новой силой принялась выражать восхищение Варламову. Елизавета Павловна тем временем расхваливала игру Алевтины и прочила ей великое будущее. Она была настолько эмоциональна, что очень скоро к Алечке стали подходить и другие именитые подвыпившие персоны с бокалами в руках и, засыпая ее комплиментами, норовили выпить с ней чуть ли не на брудершафт. Оказывается, всех без исключения игра Алевтины потрясла до глубины души. Да и официант теперь кружил вокруг и то и дело подносил ей поднос с напитками. В общем, вечеринка нравилась Алечке все больше и больше.

Неожиданно кто-то бесцеремонно толкнул Алевтину в спину, она покачнулась и уронила бокал с шампанским на пол. Раздался звон разбитого стекла. Аля обернулась. Позади нее стояла Мария Леви со странным выражением лица. Все засмеялись, пытаясь сгладить неловкость. Кажется, никто, кроме Варламова, не понял, что произошло, он один остался серьезным. Аля растерянно улыбнулась, Мария тоже улыбнулась в ответ, как-то неестественно и зло, подошла к Алевтине вплотную и обняла ее за плечи. Со стороны это выглядело как дружеское объятие, но одного взгляда в глаза Марии было достаточно, чтобы понять – она в бешенстве.

– Извините нас, мы сейчас вернемся, – широко улыбнулась Алевтина гостям, взяла Марию под руку и отошла в сторону. Девушку слегка покачивало, похоже, она сильно перебрала, пока общалась с оператором. – Что случилось, Маша? – мягко спросила Алевтина.

– Где Рут? – тихо спросила Мария и посмотрела на Алевтину так, что у нее мороз по коже пошел.

– Я не знаю. Сама его искала весь вечер, – опешила Аля. – Ты можешь мне объяснить, что случилось, Маша? Вы поссорились?

– Поссорились?! – запрокинув голову, громко расхохоталась Мария. Пожалуй, слишком громко, потому что все замолчали, обернулись и посмотрели в их сторону, но Мария не обратила на это внимания, перестала смеяться и выкрикнула Алевтине в лицо: – Да ты издеваешься надо мной?! Он бросил меня! Бросил из-за тебя, крыса!

– Что ты такое говоришь, Маша? – отшатнувшись, спросила Алевтина.

К ним подошел Варламов.

– Мария, тебе лучше поехать в отель, – сказал Иван Аркадьевич и крепко сжал ее локоть. – Сейчас я попрошу Сергея, чтобы он посадил тебя в такси.

– Машенька, Иван Аркадьевич прав, – подлетел к ним оператор. – Пойдем.

– Убирайся! – сквозь зубы процедила Мария, оттолкнула Сергея и с ненавистью посмотрела на Варламова: – В отель? Пускай ваша похотливая сука едет в отель! А я буду отмечать премьеру! Это ведь и моя премьера тоже. Только почему-то ей все почести, а мне лишь обеды с барского стола! – Мария поморщилась, вырвала руку и направилась в дам-

скую комнату. Алевтина обернулась к ошеломленной светской публике, виновато пожала плечами и направилась следом за Марией.

– Маша! – позвала она, когда вошла в двери стерильно чистой, благоухающей душистым мылом туалетной комнаты. Из одной кабинки в ответ раздались бурные рыдания.

– Пошла вон! Ненавижу тебя! Дешевка! – сквозь слезы крикнула Мария и зарыдала еще громче. – Я специально приехала без мужа, подсыпала ему лошадиную дозу слабительного за несколько часов до вылета самолета, чтобы увидеться с Рут. Звонил мне недавно, не слезая с унитаза, сидит уже второй день... И я вот – сижу, – всхлипнула Мария. – А этот ублюдок Ольсен даже... Я ждала вчера вечером... Он не пришел... Как дура, трусики «танго» напялила... Ненавижу их, неудобно, а он любит... Ждала, потом слышу утром шаги, выглядываю в коридор, а он из твоего номера выходит. А сегодня, значит, бутылочку... тебе в благодарность... Сука ты, Алевтина! Крыса бездарная! Тебе что, своего мужика мало? У тебя ведь жених-красавец молодой. Не то что мой папик, весь свой потенциал пустил в предвыборную кампанию и трахает теперь не меня, а мозги избирателям. А я любви хочу!

– Маша! – сорвалась Алевтина. – Маша, послушай меня внимательно. У меня с Ольсеном ничего нет и быть не может! С утра он выходил не из моего номера, а из номера Сергея. Они с ним всю ночь квасили, спать мне мешали. Шампанское мне Рут действительно приносил – это был подарок от Ивана Аркадьевича. Так что, если Ольсен тебя бросил, я тут ни при чем, ясно тебе? Все знают, что Рут не отличается постоянством. Так что не смей...

В туалетную комнату заглянула Мишель, непринужденно улыбнулась Алевтине и последовала к зеркалу, делая вид, что поправляет безупречную прическу. Аля не сомневалась, что мадемуазель Ланж явилась с подачи Ивана Аркадьевича: проверить, все ли в порядке с ней, Алевтиной. Мария, услышав, что кто-то вошел, притихла.

– Сегодня со мной произошел престранный случай, – вытаскивая из сумочки помаду и подкрашивая губы, вдохнула Мишель. – Я немного запоздала на сеанс, – приблизив к зеркалу лицо, сказала девушка, – когда же я вошла в зал и стала осматриваться, чтобы отыскать среди зрителей свою тетюшку, за мной следом вошел молодой мужчина с большим букетом роз и бросился на меня, как голодный волк.

Из туалетной кабинки, пошатываясь, вышла Мария, растрепанная, с распухшим носом, размазанной косметикой и красными, как у кролика-альбиноса, глазами. Куда только делась ее красота?! Теперь было понятно, почему актриса ежедневно опаздывала на съемки и доводила Варламова до бешенства, каждый раз придумывая для себя оправдание одно нелепее другого – оказывается, Машенька умело рисовала себе личико перед выходом из номера, а потом, в грим-уборной, тратила на эту «живопись» еще три часа.

– Что вы говорите? – заинтересовалась она, включила холодную воду, шумно высморкалась и побрызгала себе в лицо. В зеркало она старалась не смотреть, вероятно, чтобы не расплакаться вновь – от ужаса.

– Представьте теперь, как я была изумлена подобной дерзости. Даже позволила себе назвать его идиотом! Оказывается, он просто лоханулся, – заявила мадемуазель Ланж, и Алечка прыснула. – Я что-то не так сказала? – вопросительно подняла бровки Мишель.

– И что же было потом? – спросила Мария – история о голодном волке ее даже взбодрила.

– Потом случилась весьма любопытная вещь. Этот мужчина посмотрел на экран, переменялся в лице – я даже в полумраке зала это заметила – и выбежал вон.

– Наверное, ему фильм не понравился, – предположила Алевтина.

– Скорее, он не любитель откровенных сцен, – закрыв патрон с помадой и обернувшись к Алевтине, сказала Мишель.

– Неужели он извращенец? – хихикнула Мария.

– Полагаю, Алевтина, что этот человек перепутал меня с вами, – сказала Мишель, игнорируя замечание Марии. – Моя тетушка тоже уверила меня, что мы с вами очень похожи. Он любезно поинтересовался, где первый ряд. А на первом ряду...

– Господи! – охнула Алевтина и зажала ладошкой рот.

– И правда, похожи, – изумилась Мария, переводя взгляд с Алевтины на Мишель. – Обалдеть можно!

– Простите, а что означает слово – обалдеть? – спросила Мишель.

– Обалдеть – это значит очень сильно удивиться, – объяснила Аля, схватила Марию за плечи и затрясла ее. – Где Рут? – прорычала она.

– Ты что? Платье повешь, – пытаюсь отцепить Алевтину от себя, испугалась Мария. Алевтина не оцеплялась.

Мишель округлила глаза и положила помаду мимо сумочки.

– Когда ты его в последний раз видела? Отвечай! Ты что, не понимаешь: все очень серьезно. Это был мой жених, а он ревнивый, как скотина!

– Мамочки, – окончательно отрезвела Мария. – Последний раз я видела его в отеле. Мамочки!..

– Едем в отель! Немедленно! – скомандовала Аля и поволокла Марию к выходу. В дверях она обернулась: – Приятно было познакомиться, Мишель. Позвоните мне, если будете в Москве. И, пожалуйста, сообщите Ивану Аркадьевичу, что мы поехали в гостиницу.

Мишель растерянно улыбнулась и кивнула.

Пожилой администратор отеля «Летиция» никогда еще в своих владениях не слышал такого бодрого топота. Когда мимо стойки пронеслись две девушки на каблуках и в вечерних платьях, размахивая плащами, как флагами, и выбежали на улицу, чуть не сбив с ног швейцара, порывавшегося открыть перед ними дверь, администратор поморщился, бросил сочувственный взгляд на натертый до блеска пол-домино, снял трубку телефона и вызвал такси. Заказ уже был принят, когда одна из девушек, миниатюрная шатенка, влетела обратно в двери гостиницы, снова чуть не сбив с ног несчастного швейцара, порывавшегося открыть перед ней дверь, замахала руками и закричала на весь холл: «Такси!»

– Да, мадемуазель, – вежливо кивнул администратор, и девушка вновь метнулась на улицу.

Администратор устало вздохнул и с укоризной покачал головой: спешку (в любом деле) он не приветствовал.

– Оперативно, – довольно сказала Маша, заметив подъезжающую к отелю машину и нервно покусывая нижнюю губу. Аля нетерпеливо запрыгала на месте, неуклюже пытаясь надеть на себя плащ.

Машина плавно затормозила, рядом возник швейцар, который потянулся к задней двери автомобиля.

– Какой же ты неугомонный, – недовольно отреагировала Маша, решительно отстранила швейцара, сама открыла дверь, пробралась на заднее сиденье, Алечка залезла следом, назвала нужный адрес и поторопила водителя.

– Может, нужно ему было дать на чай? – обернувшись, сказала Алечка. – Невежливо как-то.

– Перебьется, – фыркнула Мария. – Терпеть не могу навязчивый сервис. И вообще, может, я феминистка!

– А ты разве феминистка? – поинтересовалась Алечка, безуспешно пытаясь всунуть руку во второй рукав плаща.

– Одурела, что ли?! – искренне возмутилась Мария.

– Извини, – отозвалась Аля, кряхтя и путаясь в плаще.

– Ничего страшного, – смиростивилась Маша. – Давай помогу, – обратив внимание на мучения Алевтины, предложила Мария. – Привстань. – Алечка привстала, Мария ловко сняла с нее плащ и положила его девушке на колени.

– Спасибо, – буркнула Аля и уставилась в окно. За окном мелькали яркие огни ночного Парижа, но Алечка ничего вокруг не видела. Сердце сжималось от нехороших предчувствий. Воображение рисовало ужасную картину: два посиневших трупа в окровавленных в районе груди белых рубашках-жабо, сжимающие окоченевшими руками дуэльные пистолеты. Алечка зажмурилась и помотала головой, чтобы отогнать пугающие мысли.

– Ой, мамочки! – неожиданно пронзительно завывла Мария, напугав водителя и Алевтину. – Что же произошло?! Кошмар! Чует мое сердце – беда!

– Да не каркай ты! – рявкнула Аля, отметив с удивлением, что Машенька уже каким-то непостижимым образом ухитрилась сделать макияж и вновь похорошела.

До гостиницы оставалось не больше пяти минут езды. Алевтина поковырялась в сумочке, отыскала там купюру в 10 евро.

– Кстати, кто была та девушка, с которой ты весь вечер тусовалась?

– Племянница главной спонсорши нашего фильма, мадам Елизаветы Павловны де Туа, – объяснила Алевтина, нетерпеливо ерзая на сиденье и комкая купюру в руках.

– Точно! Это же была сама Мишель Ланж! – подпрыгнула от возбуждения Мария. – Гордись, Аля, мы писали в одном туалете с сумасшедшей наследницей одной из самых богатых женщин Франции.

– Почему с сумасшедшей? – удивилась Аля.

– Ты что, газет не читаешь? – в свою очередь, удивилась Маша. – О ней же постоянно в светских хрониках пишут, в разделе «Скандалы». Ее родители погибли, когда она была еще маленькой. Там какая-то мутная история, но я не об этом. Тетка, сестра матери, взяла ее на воспитание к себе. А у тетки своих детей не было, она рано овдовела и больше замуж так и не вышла. Да и к чему ей было выходить замуж, если она получила в наследство от мужа-банкира огромное состояние, его банк и родовое поместье под Парижем. В общем, малютке повезло. Но не повезло тетке. Если бы она только знала, кого пригрела на своей груди! У племянницы оказался скверный, невыносимый характер. Не знаю, чего уж ей не хватало, но тетке она порядком потрепала нервы. Да и репутацию семьи изгадила. Два раза Мишель выгоняли из элитных школ за плохое поведение. В шестнадцать она сбежала с каким-то рокером, нашли ее в Швейцарии, под наркотой, одну, в грязном мотеле. После лечения в клинике, куда ее засунула тетушка, она вроде присмирела. Поступила в Сорбонну, стала прилежно учиться, но очень скоро быть паинькой ей надоело. В девятнадцать ее задержали за вождение в пьяном виде, в компании с очередным отморожком. Как оказалось, машина была краденая, и тетушке с трудом удалось отмазать племянницу от тюрьмы и доказать ее непричастность. Разразился большой скандал. Мишель снова стала паинькой, и опять ненадолго. К тому же после своего совершеннолетия она получила финансовую независимость, вступив в права родительского наследства. Впрочем, бо@@@льшую часть состояния родителей она спустила очень быстро. Ее постоянно видели то на скачках, то в казино. Тетушка вновь сунула ее в закрытую клинику, где лучшие психотерапевты Франции активно пытались вправить девочке мозги и отучить ее от пристрастия к азартным играм. А скандалы в ресторанах – это вообще норма. Последний раз на нее подала в суд официантка, за то, что мадемуазель Ланж выплеснула ей в лицо вино из своего бокала. Суд вынудил мадемуазель Ланж выплатить официантке компенсацию за моральный ущерб и оплатить химчистку испорченной униформы. Мишель выплатила – и тут же подала встречный иск на ресторан: за обслуживание, не соответствующее заявленному уровню сервиса. Представляешь, какая нахалка?! И что ты думаешь, официантку уволили, а мадемуазель Ланж выплатили сумму,

которая компенсировала все ее затраты. Тачки она меняет как перчатки. Завтракает, обедает и ужинает только в дорогих ресторанах. А сколько она тратит на шмотки и прочие дамские штучки! Ты даже себе представить не можешь!

– Да какое тебе до этого дело?! – разозлилась Алевтина, почему-то ей было неприятно, что Мария сплетничает о ее новой знакомой. От общения с Мишель у нее осталось только приятное впечатление, не верилось, что эта очаровательная девушка – сумасбродка, транжира и сноб.

– Как это – какое дело? Газеты такие цифры называли, что у меня глаза из орбит выпадали. Вот где ее любят, так это в дорогих бутиках. Она – первый гость на открытии новых коллекций и показах от кутюр. Платье на ней, правда, обалденное было, и сумочка, и туфельки – блеск! – Маша завистливо вздохнула. – А вот брюлики так себе, я даже разочарована. У меня и то больше. Смотри, мой папик из последней поездки в Якутию камни привез, а потом мне уже наш знакомый ювелир оправу сделал. – Мария поправила светлую прядь волос и гордо продемонстрировала свое ушко, которое оттягивала массивная серьга с крупным бриллиантом. – Нравится? – поинтересовалась Мария.

– Нравится, – односложно ответила Алевтина, на серьги Марии она обратила внимание еще на банкете, но из-за нелепой оправы и величины камня приняла их за бижутерию. Ювелирные украшения Мишель были выполнены со вкусом, изящные и уместные на любом приеме, но возражать Марии и тем более объяснять, что не в размере дело, у Али не было желания.

– То-то, – величественно улыбнулась Маша и высокомерно спросила: – И о чем же ты так долго беседовала с этой избалованной миллионершей?

– О кошмарах нашего детства я с ней беседовала. Приехали, – раздраженно сообщила Алевтина, с облегчением отметив, что машина затормозила у входа в гостиницу. Она торопливо сунула таксисту десятку, выскочила из машины и направилась к дверям. Мария на некоторое время замешкалась, Аля обернулась и заметила, как девушка забирает у таксиста сдачу. «Оставь, не нужно», – хотела было сказать Алевтина, но осеклась. Звезда Мария Леви выпорхнула из машины, на ходу защелкнув замочек своей сумочки.

– Браслет часов расстегнулся, – объяснила она свою заминку с невинной улыбкой, и Алечку затошнило.

Они поднялись на свой этаж, от волнения схватив друг друга за руки, подошли к номеру Рута и остановились. Дверь была приоткрыта. Аля, отцепив от себя руку Маши, осторожно толкнула дверь и вошла. Мария – следом.

В комнате горел ночник. Ольсен сидел в кресле, низко опустив голову, руки его безжизненно свисали с подлокотников, на ковре, как клякса, расплылось бордовое пятно. Рядом с кровавой лужей валялась открытая подарочная коробочка, которую Алевтина сегодня по ошибке вернула Руту.

Мария тихо завывала. Аля на негнувшихся ногах подошла к креслу Ольсена, заглянула в коробку и в ужасе отшатнулась. Внутри лежали дохлая белая крыса и какой-то листок. Вот, значит, что за «мягкая игрушка» была в коробке! Ничего себе презентик она должна была сегодня получить! Кто же такой щедрый? Аля нагнулась, двумя пальцами подхватила листок бумаги и, заикаясь, прочитала текст:

– «Тебя ждет смерть, бездарная сука! Сдохнешь в муках, как эта крыса!» – Алевтина обернулась, Маша мотнула головой, позеленела и рухнула на ковер. – Вот тебе и пляж, – нервно усмехнулась Алевтина, вспомнив, какой комплимент ей шепнул на ухо Ольсен в кинотеатре. Рут решил, что записку написала она!

Аля осела на пол рядом с Марией, еще раз окинула взглядом комнату, пискнула тихонечко, потом еще раз, уже громче, и утробно заголосила на весь номер, как сирена «Скорой помощи». Мария от ее воплей пришла в себя, села и присоединилась к Алевтине.

Хлопнула дверь в ванной, и в комнату вплыл Клим с лысым букетом роз. Рубашка и пиджак его были порваны, нижняя губа сильно распухла и посинела.

– Алеська, фто флучилось? – обеспокоенно спросил он, пытаюсь совладать с разбитыми губами, и озадаченно посмотрел на сидящих на полу орущих девиц. Девушки мгновенно замолчали, с ужасом уставились на него, некоторое время разглядывали и... заорали еще громче – с новой силой.

– Ты убил его! – на высокой ноте выдала Алевтина.

– Кого? – разволновался Клим и непонимающе осмотрел комнату.

– Ольсена! Ты убил Ольсена! Господи, что ты наделал! – тыча пальцем в труп, заявила Алевтина.

– Я?! Да никогда! – стукнул себя в грудь кулаком Клим, отрицательно помотал головой и икнул.

Мария неожиданно вцепилась Алевтине в волосы и повалила ее на ковер.

– Ах ты, бездарная тварь! Ты во всем виновата! Ты! – терзая Алечкину шевелюру, заорала она.

– Дефочки, дефочки, вы чефо?! – попытался вмешаться Клим, сделал два робких шага к девушкам, но потом передумал и отступил на три назад – вмешиваться в дамские разборки было опасно для здоровья, которое и так уже порядком пошатнулось после близкого общения с Рутгером Ольсеном, отличным, кстати, мужиком, как выяснилось после четвертой бутылки вина.

– Теперь ясно, кто мне подарочек презентовал! Это ты! – задохнулась от возмущения Алевтина и тоже вцепилась в волосы Марии.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь?! – пискляво заверещала Мария и выпустила шевелюру Алевтины из рук. «Нежная какая, – подумала Алечка и озадаченно посмотрела на свой кулак, в котором был зажат клочок жестких светлых волос. – Вот тебе раз, волосы-то не настоящие! Фуфло нарощенное». Алечка брезгливо отряхнула ладошки и перевела дыхание.

– Сейчас поймешь, – просипела она и с размаху отвесила Марии оплеуху. Мария вскрикнула, потеряла щеку и ошеломленно захлопала глазами. – Это тебе за крысу, живодерка, – мстительно сказала Аля и отвесила Марии еще одну оплеуху. – А это тебе за бездарную суку! А это тебе... – Алечка занесла руку для следующего удара и глубоко задумалась – за что еще можно звездануть Марию по смазливой физиономии? Мария моментально воспользовалась заминкой и резво отползла на безопасное расстояние. – Ладно, хватит с тебя, – усмехнулась Аля.

Клим выпятил грудь колесом, с гордостью посмотрел на свою невесту, одержавшую победу в схватке, и перевел взгляд на Ольсена, который наконец пришел в себя, с пьяной глупой улыбкой тихо наблюдал за происходящим одним глазом (не подбитым) и сосредоточенно шарил рукой рядом с креслом, пытаюсь отыскать там недопитую бутылку «Бордо». Естественно, безрезультатно, потому что Клим, любезно спросив разрешения у крепко спящего Ольсена, уже давно вино допил. Да там и было-то всего ничего, полбутылки он случайно пролил на ковер, когда отползал от кресла, мысленно оправдался Клим, испытывая некоторую неловкость перед своим новым приятелем – человеком, так сказать, с тонкой духовной организацией. Бедняга так расстроился, когда записку и «подарок» получил! Даже на прием не пошел, пришлось утешать несчастного. Но это было уже потом, после серьезного мужского разговора и выяснения истины. Рут был так любезен, что подробно объяснил, как в кино снимаются постельные сцены, и даже продемонстрировал Климу все наглядно, используя в качестве партнерши подушку с дивана. В общем, он был крайне убедителен и красноречив. И Клим решил, что беспокоиться не о чем.

Девушки, однако, увлеченные милым общением друг с другом, на воскрешение Ольсена из мертвых не отреагировали.

– Ты об этом еще пожалеешь, – вновь осмелев, процедила Мария, вскочила на ноги и ринулась к телефону. – Я звоню в полицию и скажу, что ты и твой женишок – убийцы!

– Лучше мужу своему позвони и расскажи, как ты его слабительным угостила, – сухо сказала Аля. – Заодно поинтересуйся у него, слез он уже с унитаза или, может, до сих пор в тяжких думах размышляет, как страну из кризиса вывести?

Маша, которая уже тыкала пальцами в кнопки аппарата, медленно положила трубку на рычаг и обернулась.

– Ты не посмеешь, – потрясенно воскликнула она.

– Не посмею – что? Посвятить твоего мужа в то обстоятельство, что ты терпеть не можешь трусики «танго»? – жестко спросила Аля.

– Я тебя ненавижу, – отчеканила Мария.

– Неужели? – иронически приподняла бровки Аля. – Надо же, какая неожиданная новость! Только я никак не могу понять, за что? Что я тебе плохого сделала, Маша?

– Да, что она тебе сделала, Мари? – прогундосил Ольсен, которому надоело безучастно наблюдать за склокой.

Девушки вздрогнули и синхронно посмотрели на Рута. Ольсен достал из кармана лекарство от аллергии, приснул себе в нос, радостно подмигнул Марии и похлопал себя по колену. Мария робко улыбнулась ему и недовольно покосилась на Алевтину и Клима. Ее взгляд был красноречив и говорил, что ее с Рутым следует немедленно оставить наедине. Собственно, кто бы спорил!

Клим помог Алевтине подняться, протянул ей изрядно потрепанный букет, обнял за плечи и повел к выходу. Она молча подчинилась. На душе было скверно. Теперь Алевтина поняла, на что намекал ей Варламов перед премьерой. Он попытался подготовить ее к неизбежной зависти со стороны коллег, которые не простят ей успеха, и оказался прав. Вспомнилось прошлое лето и милая одноклассница Катя Мухина, которая пыталась довести ее до самоубийства. Все повторилось. Теперь вот Машенька Леви мечтала сделать из нее неврастеничку, ухитрилась даже – ради того, чтобы испортить ей праздник, – раздобыть где-то дохлую крысу! Не исключено, что она купила ее в зоомагазине и собственными руками убила несчастное животное. Кем же нужно быть, чтобы придумать и осуществить подобное?! А главное, как нужно уметь ненавидеть! К счастью, план сорвался. Но кто знает, сколько еще таких вот Кать и Маш встретится на ее пути? А ведь Мария Леви была одной из ее любимых актрис. Яркая, талантливая, необыкновенно красивая – идеал! Фильмы с ее участием Аля всегда смотрела с наслаждением, а когда узнала, что сама Мария Леви будет ее партнершей по картине, прыгала от радости и страстно желала ей понравиться. Допрыгалась. Понравилась... Ну и плевать! Близкие, дружеские отношения с женщинами у Али вообще никогда не складывались. Как-то всю жизнь она легко обходилась без подруг, и впредь будет обходиться. Как глупо, что она дала свой телефон мадемуазель Ланж и предложила увидеться в Москве! Вот ведь наивная. Смешно, честное слово. Тоже мне – подружку нашла! Избалованную миллионершу. Мишель уже давно забыла о ее существовании. Вот и Аля о ней забудет. Уже почти забыла. Больше они никогда не увидятся, и точка! Интересно, когда она прилетит в Москву?

– Алеська, прости меня, – вякнул Клим, заваливаясь в номер. – Я больше не буду тебя ревновать, чефное слово. Ты меня еще любишь?

– Какой же ты дурашка, конечно, люблю, – улыбнулась Алевтина и осторожно прикоснулась пальчиком к его разбитым губам. – Беденький мой! Пойдем спать, я так соскучилась, – погладив его по растрепанным волосам, нежно сказала Алевтина, взяла за руку и повела к кровати. Клим покорно поплелся следом, уселся на кровать, стянул с себя пиджак...

– А это фто? – проревел он и вскочил, тыча пальцем в розу. – Фто это – я тебя спрашиваю?

– О господи! – обреченно вздохнула Алевтина и рухнула на постель.

Глава 3

Бодун, омлет и кредит

В маленьком ресторанчике, расположенном на первом этаже гостиницы, было тихо и светло. Аккуратные столики с белоснежными скатерками, залитые утренним солнечным светом, кремовые стены, картины в пастельных тонах, изящные вазочки с букетиками живых цветов, льняные бледно-розовые салфетки – все чистенькое, свеженькое, крахмально-карамельное.

Клим занял столик у окна и сквозь стекла темных очков хмуро взглянул в меню, предложенное официанткой, такой же чистенькой, свеженькой и крахмально-карамельной. И не было ничего удивительного в том, что девушка разглядывает его с подозрением, немного нервничает и косится на телефон – в интерьер данного заведения Клим вписывался с трудом. Опухшая разбитая физиономия, темные очки и несвежая белая рубашка – хорошо еще, что он, преодолевая дикую головную боль, аккуратненько пришел оторванный после общения с Рутон карман. Подумаешь, нитки оказались желтыми! Со сна не разобрал. Пришивал ведь на скорую руку, в ванной, чтобы, не дай бог, не разбудить Алечку. А эта «карамельно-крахмальная» выпучила на него свои глазщицы, как будто никогда в жизни не видела мужика после бодуна. И верно говорят, что Европа постепенно приходит к упадку. Никакого гуманизма и чуткости в людях не осталось. Ну не успел он съездить в аэропорт за своими вещами, не успел! Клим разозлился, и от злости голова его разболелась еще сильнее. Нужно было принять экстренные меры, чтобы избавиться от похмелья. Он заказал себе омлет с грибами, апельсиновый сок, кофе и пиво и в ожидании заказа прикрыл глаза. Долго ждать не пришлось: официантка ловко расставила на столе напитки, плюхнула перед ним тарелку с омлетом и, скупно пожелав ему приятного аппетита, исчезла.

Клим с отвращением посмотрел на омлет, отодвинул тарелку в сторону, схватил бокал с пивом, осушил его в два глотка, крикнул, запил апельсиновым соком и стал медленно цедить кофе.

Варламов явился с небольшим опозданием. Старик выглядел бодрым и элегантным, в тонкой светлой водолазке под горло и идеально отглаженных брюках в тон. Его длинные седые волосы были собраны в хвост и перетянуты резинкой, на носу поблескивали дорогие очки в тонкой оправе, в руке он держал потертый кожаный портфель.

«Богема, мать его...» – недовольно подумал Клим, нехотя пожал Ивану Аркадьевичу руку, снова придвинул тарелку с едой и принялся хмуро ковырять вилкой в омлете.

– Что, Клим, голова болит? – ехидно спросил Варламов, сел напротив и поставил портфель под стол.

– Как вы проницательны, – буркнул Клим. – Впрочем, у меня всегда болит голова, когда я вижу вас, любезный Иван Аркадьевич. Что на этот раз вам от меня понадобилось?

Варламов улыбнулся официантке, заказал кофе и внимательно посмотрел на Клима.

– Слышал, у тебя дела идут неважно. Ты вышел из икорного бизнеса, затеял новый проект, весьма интересный и прибыльный, кажется, элитный закрытый ночной клуб, но не рассчитал своих сил и оказался в сложном положении. Как я понял, у тебя возникли проблемы с получением кредита под новый бизнес? Да и по прошлым долгам ты не до конца рассчитался, планируя с первых прибылей погасить задолженности.

– Откуда такая осведомленность? – усмехнулся Клим.

– Довольно хорохориться, голубчик, – сухо сказал Варламов, закуривая сигарету. – Неужели ты еще не понял, что я твой друг, а не враг.

– Да в гробу я видал таких друзей! – не сдержался Клим, но тут же смутился. – Простите, Иван Аркадьевич, но давайте расставим все по своим местам. Я благодарен вам за

Алю, за заботу, за участие в ее судьбе. Спасибо, что не поставили ее в известность о той мерзости, в которой мне пришлось участвовать по вашей милости, и увезли ее из России, чтобы она ни о чем не догадалась и не узнала от «добрых» людей. Я все понимаю, вы ведь намеренно увезли ее в Европу, пока все не утрясется. Возможно, если бы не вы – я никогда бы не встретил ее и не полюбил. А Алечка навсегда осталась бы актрисой эпизодических ролей. Но простить вас за то, что вы так ловко манипулировали нами, чтобы добиться своей цели, – я не могу. Вы вообще в курсе, что Антон Бенедиктович Берушин через несколько дней после возвращения в Москву из Приреченска был застрелен собственной супругой, а потом милейшая женщина, Изольда Валентиновна, покончила с собой? – глядя на старика в упор, спросил Клим. – Берушин был, конечно, порядочной сволочью и перед смертью успел мне подгадить в делах. Думаете, почему я не могу получить кредит ни в одном банке? Но цель не оправдывает средства – ясно вам?!

Варламов спокойно выдержал взгляд, но Клим заметил, как на мгновение заплескала сигарета в его сухих пальцах. Некоторое время режиссер молчал. Официантка принесла заказ, поставила перед Варламовым хрупкую чашечку с ароматным дымящимся кофе и участливо спросила, заглянув ему в лицо, не желает ли он еще что-нибудь. Варламов отрицательно покачал головой, сделал два аккуратных глотка кофе, осторожно поставил чашку на блюдце.

– За что я люблю Францию – здесь кофе умеют варить отменно, – удовлетворенно вздохнул он и затушил сигарету в пепельнице. – Я вот о чем подумал, Клим, – неожиданно весело сказал Варламов. – Может быть, тебе следует принять активное участие в жизни внезапно осиротевшей Лерочки Берушиной? Это ведь ты отказался от нее во время бракосочетания! Поезжай, голубчик, покайся перед ней, авось простит и благосклонно примет твою моральную поддержку.

– Лерочка, к счастью, в моей поддержке не нуждается, – смешался Клим. Какой же гад этот Иван Аркадьевич, взял и легко перевел все стрелки на него. Оказывается, это он во всем виноват? Оказывается, по его вине все произошло? Гнусный старикан. – И вообще, Лерочка Берушина недолго страдала от неразделенной любви. Через пару месяцев после своей несостоявшейся свадьбы со мной она удачно вышла замуж за богатенького американца и слиняла с ним в Штаты. Заболоцкий мне по телефону доложил, что недавно видел ее на одной светской тусовке в Нью-Йорке. Она порхала в окружении дюжины поклонников и, судя по ее внешнему виду и блеску в глазах, была счастлива, – буркнул Клим и разозлился сам на себя, потому что не собирался ни перед кем оправдываться! Тем более перед этим гадким старикашкой.

– Я не хотел этих смертей, Клим, – тихо сказал Варламов. – И давай больше не будем ворошить прошлое.

– Договорились, – нехотя проворчал Клим.

– Ну вот, совсем другой разговор, – дружелюбно улыбнулся Иван Аркадьевич. – Значит, вы помирились?

– С кем? С Лерой? – округлил глаза Клим.

– С Заболоцким, – с улыбкой уточнил Варламов.

– А, с этим засранцем... Помирился, куда деваться. Этот идиот приперся ко мне домой в тяжелом алкогольном угаре, с наполненным льдом картонным стаканчиком из-под кока-колы и с топором, завернутым в гостиничную наволочку.

– Топором? – удивился Варламов. – Зачем ему понадобился топор?

– Хотел отрубить себе палец, положить в стакан со льдом и подарить его мне в искупление своей вины. Пришлось его простить, козла. Но больше я с ним на рыбалку не поеду, – рассмеялся Клим. – Так зачем вы меня позвали, Иван Аркадьевич?

– Очень скоро в Москву прилетит одна очаровательная девушка. Зовут ее Мишель Ланж. Она француженка русского происхождения, но никогда не была в России. Так вот, ее тетушка – мадам Елизавета Павловна де Туа, моя близкая знакомая, – очень беспокоится, как бы чего плохого с ее единственной племянницей не случилось. Она тоже никогда не была на исконной родине и представляет себе Россию примерно так же, как мы во времена «железного занавеса» представляли себе Америку. К тому же у девчонки несносный характер, она капризна и неуравновешенна. Милейшая Елизавета Павловна имела в свое время глупость сильно избаловать племянницу. Девочка рано лишилась родителей, и, дабы ребенок не сильно страдал от утраты, Мишель позволялось все. К слову сказать, Елизавета Павловна баснословно богата, и все, что было недоступно другим девочкам, всегда и в больших количествах было доступно Мишель. Любые прихоти и желания подростка мгновенно выполнялись, а все ее шалости тут же прощались. Когда Елизавета Павловна поняла, что перестаралась, было уже поздно. В результате получилось маленькое чудовище в юбке, которое постоянно изводит ее своими выходками, транжирит деньги налево и направо и портит ей репутацию. Тем не менее Мишель – ее единственная наследница, тетя очень любит девушку и беспокоится за ее судьбу. Елизавета Павловна очень надеется, что племянница наконец угомонится, когда выйдет замуж за приличного человека и родит ребенка. А тут эта неожиданная поездка в Москву...

– И вы хотите, чтобы я приглядел за этой взбалмошной девицей? – в легкой панике спросил Клим: словесный портрет милой девушки, который только что изобразил Варламов, совсем ему не понравился.

– Можно и так сказать, за определенную плату, разумеется.

– И сколько же Елизавета Павловна готова выложить за няньку для своей племянницы? – с иронией спросил Клим.

– Да, чуть не забыл сказать самое главное, – спохватился Варламов, игнорируя вопрос Клина. – Елизавету Павловну более всего беспокоит, что Мишель очень влюбчива и неразборчива в выборе кавалеров. Девушку как магнитом тянет к плохим парням...

– Так, все ясно, – забарабанил пальцами по столу Клим. – Девице нужен кавалер на время поездки, который бы ее ублажал, дабы она не подцепила в Москве какого-нибудь отморозка? Мне, конечно, нужны деньги, но вы обратились не по адресу, – жестко сказал Клим.

– Почему же? Насколько мне известно, у тебя здорово получается охмурять девиц, – ехидно заметил Иван Аркадьевич. – Что тебе стоит, голубчик? Она приедет всего на несколько дней.

Клим резко встал, чуть не опрокинув столик. Вазочка с цветами упала на скатерть. Официантка испуганно бросилась к телефону и схватила трубку.

– Шучу, – захохотал Варламов, поставил вазочку в исходное положение и положил салфетку на мокрое пятно. – Сядь, дурень, и успокойся. Ты у нас парень, конечно, видный, но не настолько, чтобы давать тебе кредит на новый бизнес за обольщение какой-то взбалмошной девицы. Плохо же ты обо мне думаешь, раз так решил. Мне Аля – как дочь, и я никогда не позволил бы себе попросить тебя о подобной низости.

– Кредит под новый бизнес? – заинтересованно приподнял брови Клим.

– Да, Елизавета Павловна де Туа владеет крупным банком, и она согласна дать тебе кредит, если ты окажешь ей маленькую услугу. Сядь, Клим, и выслушай меня. От тебя требуется совсем немного.

– Уже сижу, и весь внимание, – усаживаясь на стул, серьезно сказал Клим.

– Милая девушка Мишель едет в Москву совсем не на экскурсию: она посетит выставку одного художника, с которым познакомилась на каком-то креативном ресурсе в Интернете. Представь себе, Клим, она влюбилась в него без памяти! – Варламов тяжело

вздыхнул и нахмурился. – Не понимаю нынешнюю молодежь. Как? Как можно влюбиться, не зная о человеке ничего, кроме условного обозначения?

– Какого еще условного обозначения? – не понял Клим.

– Я имею в виду ник – имя, которое придумывает себе человек, чтобы общаться в Сети.

– Я знаю, что такое ник, Иван Аркадьевич.

– Хорошо, что знаешь. Не сомневаюсь, – раздраженно сказал Варламов. – Значит, и что такое аватара, тоже знаешь. Слово-то какое корявое. – Варламов поморщился. – Ишь, моду взяли. Повесил, значит, любую картинку вместо своей физиономии, назвался, как душе угодно, и вперед – покорять Всемирную паутину. Говори что хочешь, лазай где хочешь, при-творяйся кем хочешь. Безответственно это! Выходит, никто за свои слова и поступки ника-кого ответа не несет.

– Иван Аркадьевич, вы же человек с прогрессивными взглядами, – едко заметил Клим. Кажется, он впервые нащупал у режиссера слабое место. Оказывается, Иван Аркадьевич ни черта не смыслит в современных коммуникациях и поэтому злится. Клим хихикнул, взгля-нув на старика по-новому. Обычный старый пердун, пришел он к выводу, расслабился. – Как я понял, мадемуазель Ланж втрескалась в ник и аватару товарища, который крепко съездил ей по ушам и наплел, что великий художник? Знаем, знаем мы таких художников. Думаю, Елизавете Павловне не следует беспокоиться. Очень скоро мадемуазель Ланж вернется в Париж разочарованной и забудет навсегда о своей любви.

– Елизавета Павловна не хочет рисковать. Судя по переписке, с которой она совер-шенно случайно познакомилась, этот человек очень умен и имеет на Мишель сильное влия-ние. Они договорились, что он встретит ее в аэропорту, забронирует гостиницу и покажет мадемуазель Ланж свои работы. Елизавета Павловна уверена, что это мероприятие кончится плохо.

– Не понимаю, почему бы Елизавете Павловне просто не запретить своей племяннице поездку в Россию? – вздохнул Клим обреченно, потому что он уже примерно понял, какую роль ему отвел режиссер в своем новом сценарии.

– Все ты понимаешь, Клим, – подтвердил его нехорошие предчувствия Варламов, вытащил из портфеля пластиковую папку и положил на стол рядом с Климом. – Здесь набро-сок плана нашего совместного предприятия и смета расходов. Только хочу тебя попросить, Клим: Алечке о нашей договоренности – ни слова. Ни к чему девочку впутывать и забивать ее светлую головку всякими пустяками. По рукам? – спросил Варламов.

– По рукам, – кивнул Клим, – только ведь никакой договоренности пока между нами нет, – заметил он и заинтересованно покосился на папку. Невероятно, но Иван Аркадьевич ухитрился его заинтриговать! Его так и тянуло открыть папку и заглянуть внутрь.

– Помни о кредите, – подмигнул ему Иван Аркадьевич. – И, будь добр, по счету за меня расплатись, голубчик. Кошелек не взял, – виновато добавил Варламов, встал и, подхватив портфель, направился к выходу. «Вот нахал», – усмехнулся Клим, заказал себе еще кофе и погрузился в чтение.

Когда официантка принесла заказ, Клим уже дочитал все до конца и, глупо хихикая, тут же набрал номер Варламова по мобильному.

– Я согласен, – коротко сказал он, отсоединился и захохотал в голос, окончательно перепугав «карамельную» официантку.

Глава 4 Вернисаж

Москва, апрель, 200... год

Клепа Коняшкин страдал. Страдал двумя недугами: тяжким похмельем и отсутствием вдохновения. Рисовать по-сухому Клепа не любил. На трезвую голову все выходило каким-то ненастоящим, и картины никто не покупал. То ли дело – под пивком или портвешком: душа аж вся разворачивалась, кисть скользила по холсту сама собой, легко подбирались и смешивались краски, всю разыгрывалось воображение, и предметы виделись Клепе под правильным углом. Его «пьяные» картины нравились покупателям и молниеносно скупались. Ну, не то чтобы молниеносно, но две-три картины в месяц он продавал легко. В общем, жить было можно, пока Клепа не загнал себя в безвыходное положение. Совершенно неожиданно он пропил все деньги, алкоголь купить было не на что, а «пьяных» картин у него не осталось. И никак не мог Клепа разорвать этот порочный круг вот уже три дня.

Позавчерашняя кошка с пышным красным бантом на шее получилась косоглазой и косорылой, а вчерашний натюрморт с воблой и бутылкой пива выглядел неопрятным. А ведь бутылку пива он прописал очень старательно, мучительно прорисовывая каждую деталь, от напряжения даже слюну пустил – но все равно ничего не вышло, бутылка почему-то зрительно завалилась набок, «висела» в воздухе и казалась непропорционально большой.

Отставив в уголок два своих новых шедевра, Клепа тяжело вздохнул, добрал до покрытого старой газетой стола, заваленного грязной посудой, хлебнул водички из закопченного чайника, порылся в пепельнице, нашел недокурный бычок, прикурил, уселся на табуретку и безнадежно оглядел свою запущенную комнату в коммуналке: засиженные мухами обои; облезлый двустворчатый шкаф, каждый раз издающий пронзительный вопль мартовского кота, когда кто-нибудь покушался на его собственность; желтый потолок, засаленный раритетный диван – гордость его покойной бабки; мольберт и подоконник с рядом пустых бутылок, которые безжалостно отвергли в пункте приема пустой тары, – окружающая обстановка не впечатляла, и Клепа печально уставился в мутное окно.

За окном ярко светило солнце, радостно щебетали птички, по подоконнику весело отбивала дробь капель.

– Неужто весна? – удивился Клепа и совсем расстроился. Весной лучше расходились любовные мотивы: обнаженные дамы, русалки и цветочные натюрморты. И куда он теперь сунется со своей косорылой кошкой? Может, хотя бы натюрморт с пивом возьмут? «А что, тема всегда актуальна», – оптимистично подумал Клепа, посмотрел на часы и стал собираться на художественную ярмарку в ЦДХ, где у него уже несколько лет было забито вакантное местечко.

Нацепив старый армейский китель, Клепа пристроил на давно не мытой кучерявой голове фуражку, обмотал шею длинным светлым шарфом, сунул ноги в рваных носках в кирзовые сапоги, упаковал картины и бодрым маршевым шагом направил свои стопы в сторону Крымского моста. Идти предстояло недолго, от силы пятнадцать минут. Жил Клепа Коняшкин на Остоженке, в старинном кирпичном доме, построенном еще до революции, и страшно гордился местом своего проживания. Комната в огромной семикомнатной квартире досталась Клепе от бабки, а бабке в свое время была выделена парткомом, за ударную работу на ткацкой фабрике. Но Клепа Коняшкин всем рассказывал, что до революции квартира целиком принадлежала его предкам – аристократам в пятом поколении. Не то чтобы Клепа

лгал... Просто один раз, проснувшись холодным зимним вечером на полу в своей каморке после недельного запоя, ему вдруг привиделось, что он – потомок старинного дворянского рода, причем привиделось так ярко, что Коняшкин попросту поверил в собственную фантазию. А так как Клепа был личностью креативной, с богатым воображением, вскоре его видение дополнилось некоторыми деталями и обросло подробностями. И хотя на творчество это мало повлияло, повседневная жизнь Клепы резко переменилась. Имидж аристократа нужно было поддерживать, поэтому, принимая у себя гостей, Клепа Коняшкин облачался в бархатный халат с шелковыми лацканами, утро начинал с бокала «Советского» полусухого, говорил с некоторой ленцой и щедро вываливал на стол все свои припасы. За это Клепу уважали коллеги-собутельники, относились к нему с почтением и даже прозвище ему дали достойное – Меценат. Так продолжалось до тех пор, пока Меценат не обнаружил, что кто-то скоммуниздил его бархатный халат. Данное происшествие выбило его из привычного уклада жизни. Он разогнал всех своих друзей, перешел с шампанского на пиво и портвейн и стал пить и творить в гордом одиночестве.

«И вот результат, – ругал себя Клепа, расплескивая сапогами апрельские лужи, – допился до того, что потерял над собой контроль, и даже полтинник стрелкнуть не у кого. Полная безнадега!» Единственное, что утешало Мецената этим весенним утром – окрепшая уверенность в том, что по его венам совершенно точно течет голубая кровь и пить ему следует исключительно шампанское, а не пиво и дешевый портвейн.

Вывесив на обозрение две свои картины, Клепа устроился на раскладной табуретке и стал молиться, чтобы нашелся какой-нибудь идиот, который купил бы его косорылую кошку или натюрморт с сушеными кильками. Через два часа утомительного ожидания Клепу стало клонить ко сну. Он широко зевнул, сдвинул на нос фуражку, облокотился о выставочный стенд и...

– Хорошая киска! А натюрморт просто... просто... Хороший такой натюрморт. Определенно, в этом что-то есть. Ваши работы? – услышал он рядом мужской голос и замер, боясь пошевелиться – исключать слуховые галлюцинации было нельзя. – Это ваши работы? – еще раз поинтересовался мужчина, и Клепа вновь сдвинул фуражку на затылок. Перед ним стоял высокий парень лет тридцати в стильной замшевой куртке, джинсах и дорогих ботинках. На покупателей данного вернисажа парень был не похож, на идиота тоже, и Клепа вдруг занервничал.

– Ну мои, дальше что? – с вызовом спросил он и демонстративно сложил руки на груди.

– Отлично. Еще есть? – радостно спросил парень, кажется, совсем не обиженный на его тон.

– Чего?! – вытаращил глаза Клепа.

– Картины еще у вас есть? – вежливо уточнил парень.

– Нету, все расхватали, – мрачно брякнул Клепа и нервно хихикнул.

– Жаль, мне ваш стиль очень понравился, – искренне расстроился парень. – Но мне нужно много. На заказ сможете нарисовать? – спросил он, и Клепа с ужасом понял, что мужик не шутит!

– Это самое... когда и сколько? – смущенно поинтересовался Коняшкин, и его голубая кровь забурлила и побежала по венам со скоростью Ниагарского водопада.

– Срок даю две недели, плачу по пятьсот за каждую, – заявил парень. – Чем больше нарисуете, тем лучше.

– Э, мужик, так не пойдет, накинь малость, – икнул Клепа: кажется, он понял, в чем подвох. Парень решил купить его картины по дешевке, по пятьсот рублей. Неслыханно! Клепа Коняшкин меньше чем за шестьсот рублей свои картины еще не продавал. Правда, с оптовыми покупателями он тоже никогда не сталкивался.

Парень задумался, а у Клепы затрепетали все фибры его души. Уж очень ему не хотелось упускать оптового покупателя, но, с другой стороны, Мецената страшно душила жаба – так задешево продать свои будущие творения.

– Хорошо, шестьсот долларов, но это последняя цена! Одно условие: картины должны быть выполнены в одном стиле, как эти. Позвоните мне, когда мой заказ будет готов, – после непродолжительной паузы сказал парень, и Клепа ушел... ушел в себя на целых десять минут, а когда вернулся, в руке его была зажата визитка покупателя и двести долларов аванса. Клепа трясущейся рукой сунул деньги и визитку в карман кителя, обернулся, задумчиво посмотрел на свою косую кошку и натюрморт, которые по-прежнему висели на том же самом месте, и решил, что он не просто аристократ, а аристократ с задатками гения!

Двести баксов огнем жгли Меценату грудь, даже дышать было тяжело. Он разменял доллары в ближайшем обменнике, купил себе три блока «Примы» и пирожок с капустой, перекусил, закурил, отложил несколько купюр во внутренний карман на минимальный продуктовый набор: яйца, сосиски, пельмени, хлеб, кефир, килограмм «Докторской» – и направился в художественный салон за новыми багетами, красками и холстами, дабы избавиться от пожара в душе и мучительного искушения нажраться в зюю. Ведь Клепе предстояло две недели рисовать по-сухому, чтобы сохранить свой «неповторимый» стиль и не разочаровать заказчика.

* * *

Клим сел в свой джип и от души расхохотался. Поручение Ивана Аркадьевича нравилось ему все больше и больше. Все прошло просто отлично! Отправляясь на вернисаж, он и не надеялся, что сразу найдет то, что нужно, и был готов к долгим поискам. Осложнялось дело тем, что Клим Щедрин совершенно ничего не понимал в живописи, но эти две картины с первого взгляда впечатлили его аж до судорог в душе. А когда из-под фуражки показалась синяя лошадиная физиономия создателя полотен – Клим понял, что никуда не уйдет, пока не наладит с этим человеком контакт. Пожалуй, только с ценой он погорячился, увлекся игрой и серьезно выбился из сметы. «Ничего, переживут», – хихикнул Клим, вспомнив выражение лица художника, когда тот услышал астрономическую сумму гонорара. Главное, чтобы товарищ не ушел на радостях в глубокий запой. Зря все же он оставил ему аванс. Но другого выхода не было. Надо же хоть как-то подстегнуть творческий потенциал живописца Клементия Конюхова, кажется, так были подписаны его картины. С другой стороны, никуда он не денется, раз такие бабки на горизонте маячат. Осталось уладить несколько формальностей: найти галерею, где согласятся выставить эти «шедевры», оформить выставку, и можно смело встречать мадемуазель Ланж. Клим не сомневался, что после просмотра выставки кисок-уродов с красными бантами и бутылочно-винных натюрмортов вздорная богачка мгновенно изменит мнение о своем таинственном художнике и слиняет из Москвы со скоростью реактивной ракеты. Как Иван Аркадьевич додумался до такого?! Хотя ничего сверхъестественного: как только мадемуазель Ланж отправится в аэропорт, человек Варламова тут же с компьютера Мишель скинет тайному возлюбленному девушки новую информацию о прилете и сообщит от ее лица, что девушка прибудет в Москву другим рейсом. Останется только встретить мадемуазель Ланж в аэропорту и представиться ее другом по переписке, благо голубки не обменялись ни фото, ни реальными именами, ни мобильными телефонами. Смешно, честное слово! Романтики им захотелось! По словам Варламова, художник клятвенно заверил мадемуазель Ланж, что и без фото узнает ее из тысячи пассажиров. Вот придурок! Потом будет метаться по аэропорту в поисках своей возлюбленной, дергать каждую симпатичную девушку за руку и интересоваться – не его ли Минерва она случайно? Это же надо придумать себе такой ник – Минерва! Бр-р-р! Клим передернуло. Что надо иметь в голове, чтобы обо-

звать себя именем староиталийской богини разума? Хотя... нельзя не признать – столь яркое виртуальное имя интригует... Интересно, как он ее ласково в личной переписке называл? Минервочка? Минервуличка? Минервушка?... – предположил Клим, и его вновь передернуло: почему-то ассоциации у него возникли совсем не с богиней, а со стервой, стервочкой, стервулечкой. У таинственного художника ник был... Пикассо! Скромный такой ник. Ну и самомнение у некоторых! Да бог с ними. В то время когда Пикассо будет искать свою стерву-Минерву в аэропорту, девушка уже вовсю будет готовиться к выставке шедевров Клементия Конюхова, которую организовал для нее Клим. Все! Ничего сложного. Но, как говорится, все гениальное просто. А Варламов самый настоящий гений – хоть и злой. Он сам, оказывается, тоже злой, пришел к выводу Клим, и хихикнул. Так обломать девочке праздник жизни и растоптать все ее мечты. Может, этот художник – ее судьба?! Впрочем, от судьбы не убежишь. Если уж на роду написано, то не сейчас, так потом они обязательно встретятся, успокаивал себя Клим. Совершенно неожиданно его стали терзать угрызения совести. Ладно, его дело – выполнить поручение, а на остальное плевать. Тем более что милая Елизавета Павловна де Туа, по словам Варламова, желает любимой племяннице только хорошего. Вот пусть сами потом и разбираются между собой, если вдруг все выплывет наружу. А оно выплывет, точнее, всплывет, потому что «оно» всегда всплывает, и никуда от этого не денешься, философски подумал Клим. Мишель вернется в Париж, решит продолжить переписку, и... И – этого никак нельзя допустить. На этом настаивал Варламов: дана четкая установка – вызвать у мадемуазель Ланж такие отрицательные эмоции, чтобы она и думать забыла о своем художнике.

Жаль, по сценарию роль интернет-возлюбленного Мишель нельзя доверить самому Клементию Конюхову. Вот был бы номер! Пожалуй, если бы этот кучерявый пропитой очаровашка в кирзовых сапогах встретил мадемуазель Ланж в аэропорту, то и выставку работ уже устраивать не нужно было бы. Но раз режиссер доверил эту важную миссию Климу, то ее нужно выполнять. Все-таки какая он сволочь – Иван Аркадьевич! Манипулянт поганый! Изверг! Прошлым летом заставил Клима влюбить в себя Алевтину. Спасибо ему, конечно, за это большое, но нервные клетки и до сих пор восстанавливаются. Сейчас на эту чокнутую наследницу миллионов нужно произвести неизгладимое впечатление, правда, диаметрально противоположное. И опять – подавай Варламову экспромт. Хоть бы намекнул, гад, как действовать. Как вызвать в девице антипатию к собственной персоне, если он, Клим Щедрин, такой привлекательный во всех отношениях мужчина?

«Горб, может, приделать? А что, буду как Квазимодо», – заржал было Клим, но тут же с сожалением отверг эту идею. Нельзя было исключать, что отмороженная богатая дамочка тут же решит, что она – Эсмеральда, проникнется чувствами, и ей захочется плотно пообщаться с художником-горбуном. Потом не отвяжешься. Как она хоть сама выглядит? Варламов обещал прислать фото, но почему-то так и не сделал этого. «Нужно ему напомнить», – решил Клим и посмотрел на часы. Пора было ехать на вокзал, встречать Алечку. Невеста с двумя баулами подарков поехала на пару дней навестить тетку в Приреченск. Звала и его с собой, но Клим отказался, сославшись на неотложные дела. Но на самом деле причина была иной – ехать в Приреченск и вспоминать прошлые грешки он не желал. Размышлять о своем перевоплощении тоже больше не хотелось. Решив продумать тактику и стратегию своего поведения позже, Клим завел мотор и направил машину в сторону вокзала. За три дня он дико соскучился по Алевтине, и никакие Мишели его уже не интересовали.

Глава 5

Лягушачьи разборки

Меценат с трудом разлепил глаза. Он лежал на бабушкином раритетном диване в бархатном халате с шелковыми лацканами, рядом, на стене, в нарядных новых багетах висели две его гениальные работы – кошка и натюрморт. Клепа блаженно улыбнулся и потянулся к картинам. Стена вдруг стала наваливаться на него... наваливаться на него... наваливаться на него... Клепа дико закричал и выставил перед собой руки. От крика лампочка на потолке взорвалась и разлетелась в разные стороны яркими брызгами, заляпав синими, зелеными и красными кляксами обои, потолок и Клепин бархатный халат. Меценат заплакал от обиды и трясущейся рукой стал нервно отряхивать одежду. Кляксы ожили, превратились в маленьких разноцветных лягушат, гурьбой прыгнули с Клепы и, громко квакая, заскакали по грязному полу в разные стороны.

– Э, вы че ваще? – удивленно спросил Меценат, вытирая мутные слезы кулаком. – Во дела! Кажись, до белки допился...

Подобная неприятность с Клепой Коняшкиным еще не случалась ни разу, и что с этим всем делать, он не знал.

Меценат осторожно спустил с дивана худые волосатые ноги, сунул их в пыльные тапки, на цыпочках прокрался к чайнику, присосался к носику, выхлебал ровно половину, а остальную водичку щедро вылил себе на вихрастую голову. Кваканье смолкло. Клепа опасливо огляделся: на полу валялись пустые бутылки, объедки, окурки – лягушата исчезли. Меценат с облегчением вздохнул, плюхнулся на табуретку, но тут же вскочил, встал на четвереньки и заглянул под стол и диван – лягушат и там не оказалось. Под диваном лежали сложенные новые холсты, багеты и нераспечатанная упаковка красок. Клепа зажмурился и несколько раз стукнулся лбом об пол – лучше бы под диваном оказались лягушки! Как же так случилось, что он задвинул выгодный заказ? Стоя в позе тигра, он напряженно задумался, пытаясь усилием воли разогнать «туманность Андромеды» в мозгах и припомнить – что же с ним произошло? Последнее, что он отчетливо помнил – как вышел из художественного салона довольный, потому что в салоне попал на распродажу материалов и прилично сэкономил. На вырученные деньги он отправился в магазинчик секонд-хенда, где прикупил почти новый бархатный халат. Шикарный! А дальше, кажется, был продуктовый магазин, где он... где он купил три десятка яиц, четыре батона хлеба, кефир и... бутылку шампанского. Или две?... А к шампанскому он приобрел еще и водку, чтобы сделать фирменный коктейль... Точно! Клепа завыл и снова треснулся лбом о поцарапанный паркет. Вот тебе и напиток аристократов! Выходит, и шампанское ему уже пить нельзя?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.